

Огневица

Автор:

Лариса Шубникова

Огневица

Лариса Шубникова

Далекое прошлое Руси окутано многими тайнами, богато легендами и историями. Вот в одну из таких историй и угодили герои книги – Медвяна, Тихомир, Некрас и Цветава – отпрыски крепких родов. Запутались в паутине судьбы так, что и не выбраться. У ведь у каждого своя страсть! Один мечтает о кровной мести, другой о покое, третьему золото глаза застит, а иному ничего и не нужно, кроме любви – яркой, огневой. Каждый станет бороться за свою судьбу и правду. А как оно сложится, как получится, то никому неизвестно, кроме могущественных богов. И только им решать, чем станет огневица: любовным оберегом или болезнью-лихорадкой.

Лариса Шубникова

Огневица

Глава 1

Где-то в Древней Руси до крещения. Все события выдуманы, все совпадения случайны

– А ну стой! Стой, Некрас, кому сказала?! Ах, ты нелюдь! Щеня блудливый! – Видана выскочила в сени, не успела ухватить сына за рубаху. – Вот я тебя!

Выбежала за ним на крыльцо, но и там не смогла поймать проворного парня! Пришлось грозить кулаком и ругать непослушное чадо издалека.

– За что?! – Некрас с хохотом соскочил со приступок и встал посреди двора: босой, рубаха дорогого льна, штаны крепкие новые.

– Ты зубы-то не скаль! Ишь удумал девок портить! Как нам теперь людям-то в глаза смотреть? Кобель, как есть кобель!

– Матушка, прости. Я и близко к девкам не подойду. Хочешь зарок дам, а?

Видана после его речей слегка унялась, но бровь, все же, гнула недобро:

– Клянись, Некрас. Велесом клянись, – и правда ждала сыновней покорности.

Парень вытянул из-за пазухи знак Велесов на суровой нити, приложился губами и громко на весь двор прокричал:

– Чтоб я сдох! По девкам более не пойду, токмо по бабам. А если девки сами будут тянуть, то отказа не дам, – после таких слов осталось одно – поскорее за ворота и бежать подальше от богатых хором. Видел, паскудник, как мать взялась за коромысло, что бросила у крыльца нерадивая челядинка.

Босым бежать неурядно, но кто же сына самого Деяна Квита осудит? Вот и бежал Некрас – пыль из под ног. На повороте к реке напоролся на дружка своего верного – Местяту Борового. Тот шапку на макушку сдвинул и глазами хлопал что телёнок.

– Некрас, ты чего босой-то? Никак батька отходил?

Квит остановился, дух перевел и засмеялся громко так, весело. Местята смотрел на друга своего заполошного и удивлялся. Вот влетело, а хохочет. И как оно так?

– Не батя, а мамка. Грозилась коромыслом.

– Ну-у-у! Тётка Видана? А ты чего?

– Чего, чего...утёк, – Некрас оправил рубаху, поглядел на босые ноги свои. – Айда на Прилучу? Там нынче девки купаются. Вон день-то какой аж с утра палит.

– За что грозила? – Местята и без слов определил, за что схлопотал друг его, но был слегка тяжел на мыслишки, а потому и просил рассказать все, как есть.

– А то ты не знаешь? За Жданку Сомову, – Некрас улыбнулся глумливо, глаза прикрыл, будто в мысли свои провалился.

Местята смотрел на высокого, крепкого Некраса, оценивал. Вот вроде некрасивый: волосы темные, глаза бесстыжие, а девки вешаются. Не сдержал зависти мужской и спросил:

– И чем ты их берешь, Некраска? Ну, стать есть, чего уж, но морда вроде обычная. Вон Перемысл Кудин и кудрявый, и ясноглазый, и статный. А ты что?

– Дурень ты, Местята, – Квит очнулся, на небо синее поглядел. – Девки любят крепче не за морду нарядную. Даже не за подарки щедрые. Да и стать ни при чём.

– А чего ж им надоть? – Местята в делах любовных славы не стяжал, а потому и слушал серьезно, даже подался к товарищу своему ближе.

– А чтоб сердчишко у них, дурёх, стучало. Пламенем окатывало. Для того рассмотреть деву надо, да узнать, что ей любо, а что нет.

– Ага, как же, – загрустил Местятка, – так она и рассказала. Я ни об чем думать не могу, когда девка-то рядом. Токмо о плотском.

– А вот это никак нельзя. Сам разума не роняй, иначе она вмиг под себя подомнет, и будешь ты, как тот козел на веревье вокруг нее бегать. Уразумел?

– Не-а.

– Эх, Местька, хороший ты парень, но туговат, – Некрас потянулся рукой к шапке друга и надвинул тому на нос, мол, примолкни и соображай.

Боровой шапку на место вернул и засопел злобно. Ведь Некрас ему ровесник – двадцать зим обоим стукнуло – а наставляет, как волхв. Пока обиду свою нянчил из-за поворота показался Деян Квит: сам верхом и человек пять дружинных князя при нем.

– Некрас, тикай! Батька твой! – и шмыгнул в кусты, что росли у тропы.

Некрас лицом посуровел, но не сбежал. Повернулся к отцу, плечи распрямил.

– Во как. Хорошо ль тебе, сын, босым скакать? Чай, не челядинец, не вдач, – отец поравнялся с Некрасом, но с коня не сошел, заставил смотреть снизу вверх. – Нака, обуйся, борзый, и подпоясайся.

Вслед словам полетели в Некраса сапоги, пояс, а чуть позже ударило мягко по голове шапкой.

– Спасибо, отец, – поклонился шутейно.

– Ну, ну, скаль зубы-то, коль охота есть, – хохотнул Деян. – Вот тебе слово мое – еще раз девку спортишь, ответ будешь держать уже передо мной, а не перед матерью. Я не пожалею – не баба слезливая. А вот еще мое тебе слово – сговорил я за тебя Цветаву, дочь Рознега Новика из Лугани. Ты с пару зим еще попасись, купеческое дело перейми, баб потопчи. Но, токмо баб, уразумел? Вдовых навалом, того и ждут. За девок платить – разоримся. Понял, щеня?

– Новикову? Да ну-у-у! Бать, да она ж из богатейшего рода. Ай, спасибо, – Некрас поклонился еще раз, но теперь уж безо всякой шутки.

– То-то же, – Деян подкрутил ус гордо. – Знал за тобой, что не дурень. Да и через бабье не угодишь в беду. Не того ты корня, Некрас. Свою выгоду не упустишь. Моя кровь – купеческая! Иди нето. Нынче девки в Прилучи купаются. Я б не пропустил. Третьим днем собирайся. Князь Владимир зовет на вече. На границах люди Военега Рудного озоруют. Так и до нашей веси докатятся. Он нам не враг, но кто ж его разберёт. В башку-то стукнет и пожжёт тут все. Понял?

– Понял, отец, – Некрас шапку на голове поправил, кивнул Деяну, мол, чего же не понять?

– А коли понял, то чего встал столбом? Кыш отсель, шельма!

Некраса словно ветром сдуло, а отец долго еще ухмылялся, ус крутил. Радовался сынку: смекалистому, умному, пускай и озорнику.

По дороге Некрас уцепил за рукав рубахи дружка своего и оба пошли к берегу Прилучи – светлой, многоводной – высматривать себе красавицу. А у реки уж и места для схрона не осталось. Почти все парни веси в кустах засели. Отовсюду тихий глумливый перешепот и смешки потаенные.

– Тихо ты, – Некрас толкнул локтем одного конопатого, – услышат и врассыпную. Так любуйся, примечай себе зазнобу.

А посмотреть-то было на что. Девки и бабы-молодухи в реке резвились. Иные и рубахи побросали – жаль лён беленый в воде красить. Солнце светит-слепит, ивы ветвями над водой полощут. Девки визжат, аукаются, жизни радуются. И нет в такой день мыслей дурных и серых: ни о войне, ни о голодухе не вспоминается. Юность плещет через край, жизнь легкой делает.

Вот уж и солнышко покатилося к закату. Девушки уселись косы сушить-плести, иные еще в воде нежились. Парни часа своего дождались тихим посвистом себя и обозначили.

На берегу переполох, смех, прибаутки. Среди всех красавиц углядел Некрас одну: сама стройная, мокрая рубаха льнет к телу, не скрывает спелой груди, тугих округлых бедер. Двукосая, а стало быть, мужатая. Некрас улыбнулся хитро да встал во весь рост.

Молодуха не растерялась, смело взглянула на Некраса, еще и спину изогнула, мол, любуйся, а что дальше, видно станет.

– Стыда у вас нет, охальники! – крикнула сердито, а взгляд с младшего Квита не спустила.

– Есть стыд-то, красавица, а сил на тебя не глядеть нету. Не сердись, но от такой-то красоты не отвернешься так просто. Уж не приворот ли? – Некрас бровь приподнял, словно удивился.

– Тебе, молодец, все хороши. Ай, не так? – сама косы от воды отжала и потянулась за понёвой.

– Так, не так – не ведаю. А вот нынче кроме тебя никого не вижу, не замечаю, – и будто прилип взглядом к женщине красивой.

Вокруг шум-гам, парни гурьбой на берег высыпали, девушек смешили, разглядывали. А Некрасу хоть бы что – все на молодуху смотрит. Та не снесла горячего взгляда и заговорила первой:

– Меня Ружаной зовут. Муж до свадьбы Ружкой кликал, а как помер о прошлом годе, так и прозвание позабылось.

– Меня-то ты знаешь поди, да, Ружка?

– Все Решетово тебя знает, Некрас Квит, – подошла ближе, косы за спину перекинула.

– А коли знаешь, так и... – замолчал, ждал ее ответа.

– Приходи, как стемнеет к баньке старой. Она аккурат супротив мостка через Прилучу. На крыше конек надвое развалился. Узнаешь, коли охота будет.

– Охота, Ружана.

Вдовая пошла по тропке крутой, а Некрас все смотрел вслед, любовался, как косы по спине ее вьются, как мягко ступают небольшие ножки по зеленой мураве.

Уже в ночи Некрас тихо собрался. Накинул чистую рубаху, порты, в сапоге удобно нож устроил. А как иначе? Бывал уж в передрягах по ночному делу. На пороге осмотрелся и крадучись вышел со двора. У старой баньки оглянулся, никого не увидел и толкнул тяжелую дверь.

– Долго идешь, молодец, – Ружана молвила тихо, вздохнула глубоко, прихлопнула дверь за Некрасом и скинула с себя рубаху.

Он горячим взглядом прошелся по спелому женскому телу, не ответил, только качнулся к Ружане и обнял. А что говорить, когда вон оно, живое, горячее и дрожащее в его руках.

Много время спустя, когда уж рассветная муть пробивалась сквозь малое оконце баньки, Ружана счастливо выдохнула, улыбнулась и уронила голову на грудь Некраса: тот растянулся на лавке, в потолок смотрел бездумно, руки под голову себе положил.

- Выдумщик ты, озорник. Я такой-то любви с роду не знала, - целовала крепкую грудь, ласкала мягкими распущенными волосами. - Токмо стылый ты, никого кроме себя не любишь.

- Как не люблю? Тебя вон люблю...сегодня, - хмыкнул лениво. - Ай, не угодил? Так ты скажи, Ружка, я удоволю так, как пожелаешь.

- Охальник, - засмеялась и оттолкнула жадные его руки. - Не о том я, Некрас. Сердца в тебе нет, любви.

- А что это за зверь такой любовь, а? Все твердят о ней, а кто ее видел? Чуял? Все к одному сводится, Ружана. Мы как раз то самое сейчас и вытворяли. Не так?

- Разве это любовь? Это плоть неугомонная. Любовь - иное дело, - вздохнула Ружка, прошла ласковой ладошкой по тугому Некрасову животу.

- Не знаю, красавица. Люблю, как умею. Скажешь не сладко тебе? - Некрас схватил ее, подмял под себя, навис.

- Сладко. Люби еще...

Проснулась Ружана одна. Солнце высоко на небо забралось, светило и согревало. Вдовица потянулась сладко, принимая радостно свою женскую истому, оглянулась и увидела на лавке подле себя серебряную деньгу. Хотела брови свести сердито, но передумала. Подарок уж очень щедрый. А любовь...Так может прав Некрас? Нет ее, и не будет никогда.

Глава 2

– Беги, беги, Медвянушка! Капелька моя, кровиночка, – мать обнимала крепко, целовала мокрые щеки и заплаканные глаза. – Помни про схрон. Помнишь?

– Помню, все помню, – Медвяна вцепилась в рукав матушкиной рубахи все боялась отпустить. – А ты? Мама, ты-то?

– Не думай. Беги! К бабке Сияне беги. Спрячет. Схоронись и не вылезай пока я не приду. Слышишь, капелька моя? – мать поцеловала в последний раз и вытолкнула дочь в морозную темень с задней двери богатых хором. – Храни тебя Лада Матушка.

Медвяна, утопая в сугробах, пробиралась задками к малой соседской избушке, а за спиной слышались крики, вопли, лязг мечей. Страшно, ох, страшно! Более всего за мать тревожилась. Все вернуться хотела, но отец велел слушаться, вот и пришлось. Ведь не челядинка, а родовитая – отцовское слово крепко блюла.

Добежала до избы, когда позади всполохи огненные замерцали. Жгут! Лютуют дружинники Военег Рудного!

– Сюда, сюда, – Вейка, дальняя родня Медвяне, манила рукой с обледенелого крылечка. – Бабка спрячет.

Затащила в сени, подпихнула в спину. Бабка Сияна перехватила растерянную девушку, приподняла дверцу подпола и толкнула вниз по приступке крутой.

– В угол забейся. Там ямка. Ляг в нее, я тебя землей закидаю. Вейку опосля схороню рядом-то. Молчком, деваха, молчком сиди, иначе услышат лиходеи.

Медвяна лежала в студеной земляной ямке ни жива, ни мертва. Бабка проворно накинула на нее полотнище старое, драное и землей присыпала. Чуть погода зашебуршалось снова: Вейкин голос и копошение.

– Девки, тихо тут! Род, спаси и сохрани. Отведи напасть, – бабкины тяжелые шаги и стук дверцы.

А потом тишина – могильная, земляная – укрыла Медвяну. Она не слышала Вейкиного дыхания, не ощущала ничего, кроме ужаса и слез, что текли по щекам, попадали в рот, солонили и горчили. Все замерло вокруг, затишилось, словно лес перед бурей.

Буря не миновала, явилась и показала всю свою страшную мощь. Грохот вышибленной двери, вскрик бабки Сияны и мужские голоса – громкие, дурные. Дернули дверцу подпола, загрохотали сапогами по ступеням.

– Ищи, Ганька. Тут она. В хоромах девку-то не сыскали. Ее Военег ждет. Слышь? Ищи.

– Тут, Хотен! Глянь, затихарилась!

Медвяна услышала визг Вейки и громкий глумливый смех мужчин.

– Не та, дурень. Медвянке Лутак шстнадцать годков. А эта уж в летах. Глянь, вдовая! Давай ее сюда. Ты-то куда, Ганька? Еще смотри.

Медвяна дышать перестала, заледенела от крика Вейкиного и хохота мужицкого, что раздавался сверху.

– Без меня не берите! Сотрете бабу-то, а мне как всегда – мертвячка! – невидимый Ганька шарил руками прямо над головой Медвяны. – Тьфу, нет никого. Меня-то, меня погодите!

Стукнулась дверца подпола и Медвяна осталась в темноте одна. Сверху слышался отчаянный крик Вейки и гомон мужиков, леденили кровь ужасом и разумением того, что творили сейчас дружинные с молодой женщиной.

Медвяна лежала долго все боялась перевернуться на другой бок, застыла. Губы искусала в кровь, слезами умылась. А Вейка все кричала, кричала, кричала... Потом умолкла. Мужики погоготали недолго и все стихло.

Медвяна выходить не спешила, помнила наказ матери и ждала. Чуть погодя провалилась с забытые муторное, что принесло ей сон недобрый и непонятный.

– Ты не тряс их с рубахи-то, дурка. Пчелы того не любят. Смирно стой и смотри. У отца-то твоего первейшее в округе бортное хозяйство, а ты что ж, так и будешь неумехой? Братьев нет, так тебе-то и быть главой рода Лутак. Чего лупишься? Лутаков хоть и немногие знают, но срамить родню не можно. Учись, Медвяна, поглядывай, – Богша Кривой все говорил, говорил.

Медвяна ходила меж бортей за здоровым мужиком и слушала. Пчелы гудели ровно, правильно. А что ж не гудеть? Лето-то какое: травы с цветами да солнышко, небо синее да облака сметанные. Зелено вокруг и привольно. Вон из-за хоромины матушка показалась – улыбается, глазами сияет. Тятенька подошел, мать обнял, сморщился-засмеялся. Всё глядели на Медвянку с улыбкой, а потом отец рукой взмахнул, мол, прощай, дочка. За ним мать простилась, светлую слезу уронила.

Медвяна испугалась, что уйдут, бросят ее и уж хотела бежать к отцу и матери, да встала столбом. Пчелы роями вылетали из бортей, кружились страшно, все не пускали, удерживали.

– Дядька Богша, а чего это пчелки красные? Глянь, искры сыпят! Дядька, дяденька!

Проснулась и, себя не помня, сдернула дерюгу, под которой пряталась. Села, прислушалась... Тишина страшная, дурная, разливалась по избе: ни вздоха, ни шевеления. Медвяна услышала только стук двери о косяк. Ветер? Запах дыма прополз даже в подвал бабкиного домка...

– Мама, мамочка... Где же ты? – заскулила, запричитала шепотом тихим.

Чуть позже, все же, осмелилась и поползла из подпола. В избе скверно: лавки перевернуты, полки с горшками порушены. А посреди единой гридницы лежит Вейка...

Руки и ноги привязаны туго к четырем кольям, что вбиты тяжелой рукой прямо в деревянный пол. Рубаха бабья разодрана от горла до пят. Голое тело отсвечивает синевой в тусклом зимнем свете. И до того оно поругано, избито, расцарапано – места живого нет. Распяли, надругались и оставили подыхать, что собаку

– Веечка, Веечка... – Медвяна тряскими руками бросилась отвязывать веревьё да куда там!

Туго прикрутили: вгрызлась веревка в запястья, в щиколотки. Медвяна задохнулась ужасом, кинулась в бабий кут за ножом, с трудом разрешила путы. Только потом додумалась потрогать Вейкино лицо – жива ли?!

– Жива, спаси ты Макошь светлая! – потянула молодуху с пола.

Та застонала, забилась, пятками застучала по полу – видно приняла Медвяну за мужика-наильника.

– Тихо, тихо Веечка. Я это, я!

Молодуха голос девичий узнала, страшно посмотрела одним глазом – второй заплыл – и потянулась к лавке, что одна осталась стоять в избе. Упала на нее, сжалась в комок, подтянула колени царапаные к животу и замолкла.

Медвяна бросилась за шкурой, накинула на Вейку, дверь притворила, чтобы дом не студить. Уселась на полу в уголке, все прислушивалась – ушла Военегова дружина или нет?

Уж когда солнце к закату склонилось, вышла наружу и ахнула – не было более веси Лутаков, все спалили-сожгли. Остались всего три домка – Богши Кривого, бабки Сияны, да старая баня, что сама уж готова была развалиться, до того ветхая. Дым везде и тишина до одури страшная: дети не кричат, скотина не шевелится.

В сугробе поодаль заметила девушка темное пятно и едва не закричала, когда поняла – бабка Сияна, только без головы. Зажмурилась поскорее и к своему дому метнулась. Все надеялась, глупая, что мать с отцом живы. Пока бежала тут и там натыкалась на мертвяков. Всех не узнала, но уразумела – посекали Лутаков, вчистую род свели.

К дому прибежала в страхе, а на месте богатых хором одни головешки лишь ворота остались, а на них...

На одной створке висела мать, прибитая здоровенным колом: голова низко опущена, руки плетью болтаются. На другой отец: синий, жуткий. Узнала по броне – на ней знак Лутаков – бочка с медом и копье. Ветер подул, качнул ворота, дернул жутко мёртвые тела на них.

Медвяна хотела кричать, но горло сдавило, сжало страхом и горем. С трудом ступая, дошла до матери, обняла тело стылое, повисла. Все на руки ее смотрела: вот они ласковые, теплые, те, что гладили по волосам, утешали да голубили, а теперь...

Упала на колени, взвыла, что собака, все качалась из стороны в сторону, горе свое нянчила. Сколько просидела неведомо, но что-то перевернулось в Медвяне, взросло в ней муторное и темное. Злоба лютая горе вытеснила, залила душу и сердце, в голову кинулась. Без единой слезы поднялась девушка, сдернула с матери оберег-огневицу, с которой та не расставалась, сажала в кулачишке и к темнеющему небу глаза подняла.

– Военег, будь ты проклят, – не сказала, а прохрипела жутко. – Жизни не пожалею, а отомщу. За всех. За матушку, за отца, за всех Лутаков. Слышишь? Ты слышишь, пёс?!!

Голос взвился, разлетелся страшным посулом по мертвой веси, забился о высокие сугробы, отскочил от жутких ворот с кошмарным приветом Военеговским. Медвяна осела на землю и замерла. И вовсе заиндевила бы, но руки – крепкие, знакомые – обняли хрупкие плечи, согрели теплом.

– Медвянка, вставай. Чего сидеть-то? Идем нето, – Богша Кривой тянул девушку. – Идем в тепло избяное. Сил надо набраться. Ищут тебя, Медвяна. Военег не взял того зачем пришел. Кубышка Лутаков у тебя? Знаешь где? Вот и молчи. Никому не говори. Идем, деваха.

Потащил к избе бабки Сияны, втолкнул в гридницу и на лавку усадил. Вейка лежала все так же, молчала и слез не лила.

– Вон оно как... – Богша все сразу понял, – Медвяна, уходить надоть. Люди Военеговские еще шныряют. Я насилу утёк. Издалека видал, как секли Лутаковских-то. Как отец твой помер тоже видал. Собирайтесь. Обе! – прикрикнул, но ответа не дождался.

Вейка даже не шелохнулась, а Медвяна только глаза прикрыла, и еще крепче сжала в кулаке матушкин оберег.

- Пока не схороню своих - не уйду, - сказала-то тихо, но властно, уверенно.

- Нельзя, девка, никак нельзя. Поймут, что жива ты. Ведь не уймутся, пока не сыщут. Военег-то не дурень, догадается поди, что не всех Лутаков посёк. Из-под земли достанет. Кому ж охота мести родовой дожидаться? Убьет тебя, слышь?

- Ты о чем? Не понимаю я, - Медвяна непонимающе смотрела на Богшу. - Так оставить? Деток, родню? Пусть валяются по веси?

- Мертвым - мертвое, живым - живое. Не уйдешь - рядом с родней ляжешь. Ты последняя из Лутаков.

Медвяна вняла, будто очнулась и взгляд, уже осмысленный, перевела на Вейку.

- Дядька Богша, в шкуру ее заверни и в сани. Есть сани-то? - дождалась кивка. - Вот и неси. На заимку едем. К ней путь никто не знает. Отсидимся, а далее решим что и как.

- Дело говоришь, - подхватил Вейку, понес на возу устраивать.

Медвяна чуть погодя за ними отправилась. Богша уж ждал, поводьями тряс нетерпеливо. Девушка посмотрела в последний раз на мать, отца, упала в возок и более не оглядывалась. А зачем? Мертвое останется мертвым. Не погребения ждёт родня - мести.

С тем и уехала последняя из Лутаков, покинула гнездо родное.

Глава 3

На дальней заимке тихо: деревья вековые снегом укутаны, сугробы едва не в рост человека. По глуши лесной гулко разносится стук-молоток дятла. Покойно, ворогов нет, а все одно как в могиле.

Медвяна на крылечке стояла, смотрела на солнце яркое, что сияло на снежных шапках елей, на петли звериных следов, куталась зябко в шубейку беличью, ту самую, что накинула на нее мать в страшную ночь, когда Военег напал и сжег родную весь.

Три недели прятались втроем в лесной заимке. Вейка тем временем в себя стала приходить: синяки-царапины сошли, взгляд осмысленный стал. Но слов от нее ни Медвяна, ни Богша так и не дождались. Сама Медвяна возилась с Вейкой: в баньку водила, кашу в миске подсовывала. Жалела молодуху. Да и за такими хлопотами и свое горе забывалось, мутной пеленой покрывалось. Не уходило, но уж мучило и болело тише.

– Веечка, ты бы вышла на морозец, вздохнула. Глянь, снега какие аж глаз слепит. Вон и солнышко играет. Пойдешь, нет ли? – ответа Медвяна так и не услышала.

Богша уехал третьего дня: посмотреть, проверить, что и как. Не ищут ли, не пора ли бежать? Вот и осталась Медвяна с молчаливой Вейкой, слушала безмолвие ледяное и сама индевела. Злоба и горе подернули ее холодком, будто инеем присыпали скрипучим. Была девчонка, а в один день повзрослела, построжела: детство окончилось. Вот оно как бывает – мать с отцом ушли и нет никого более меж тобой и смертью. Некому защитить, некому пожалеть-приласкать. Один воюй с жизнью, сам вертись, как хочешь и как умеешь. Сироты все на одно лицо, если приглядеться – глаза недетские, хоть и от горшка два вершка.

– Богша никак едет? – Медвяна глаза прищурила, вгляделась.

И правда, стайка птиц вспорхнула, указала – есть кто-то на дороге лесной. А кроме Богши тут и быть-то никого не могло. Через малое время показалась мохнатая низкорослая лошадка, тащившая за собой сани. Богша в черной шапке и тяжелом тулупе, присыпанный снежком, сидел в возке.

– Как вы тут? – из саней вылез легко, ненатужно.

– Все хорошо, дядька Богша. Тихо, – Медвяна, придерживая полы шубейки, подошла к возку, подхватила мешок с мукой, – Ну что ж молчишь, а? Узнал чего?

– Узнал. Идём-ка в дом там все обскажу. Намёрзся. Только мерина сведу в тепло.

Медвяна хлопотала: поставила перед дядькой на стол горячего травяного отвару, принесла миску с кашей, кус хлеба отломала. Однако братья за ложку Богша не спешил, отхлебывал отвар малыми глотками. Вейка сидела на лавке, головой прислонясь к стене, в окно бездумно глядела.

– Уходить надоть. Шныряют дружинные Рудного. Ежели сей день решим куда податься, то завтрава надо выезжать. Да не по большаку Лутаковскому, а лесом. Я так мыслю – надо ехать в городище поболее. Там народу тьма. Кто ж найдет? А, стало быть, к князю Мезамиру.

– Нет, Богша, – сказала жёстко Медвяна. – Уж слишком далеко от Военега

– Опять ты? Да где это видано, чтобы девка сопливая взялась мстить родовитому, а? Сколь раз уж говорил тебе – брось, забудь! Смерть на себя накличешь. И мы обое с тобой пропадем.

– Я не держу, дядька Богша. Иди, куда глаза смотрят. Деньгой не обижу, – сказать-то сказала, но сердце ёкнуло.

Как без мужика? Если б не Богша, они бы с Вейкой погибли: либо от мороза, либо от голода.

– Тьфу. Какая деньга? За тебя боюсь. Отец твой велел следить да беречь, – Богша головой поник.

Жесткие черные с проседью волосы упали на высокий лоб, плечи широченные согнулись, будто ноша на них неподъемная легла. Глаза карие с медовым ободком погасли, замутились горем.

– Дяденька, я зарок дала. Не отступлю. С тобой ли, без тебя ли, все равно помщу. Слово мое крепкое, – Медвяна выпрямилась, блеснула яркими глазами. – Никто меня с пути того не своротит. И все на том.

Кривой ничего не ответил на такие слова, огрел тяжелым взглядом, головой качнул. А вот Вейка сказала, тем и удивила Медвяну и дядьку.

– Я с тобой. Сдохну, но сквитаюсь со всеми. Каждого найду. И прятаться надобно не в городище, а под самым носом у Военегга. Чем ближе, тем лучше, – сказала и снова отвернулась, принялась в оконце смотреть.

Богша перевел взгляд с Вейки на Медвяну, снова покачал головой, будто удивляясь чему-то.

– Стало быть, планида. Второго дня ехал мимо веси Сокуров. Встретил мужика одного, так он сказал – перемерли все. Лихоманка чудная одолела. А Нельга Сокур вроде как, утекла. Мать ее к родне спровадила.

– И что, Богша, что? – Медвяна давно знала дядьку, понимала, что не просто так взялся он рассказывать страшное.

– А то, Медвяна. Недалеко Нельга-то утекла. Нашел ее и девку-челядинку ейную. Обе мертвые давно в овражке лежат. Волки обглодать успели. А грамотки-то при них.

С теми словами достал из-за пазухи два берёсты – Нельги, рода Сокур и челадинки ее Новицы, родства не помнящей.

– Дядька, так Сокуры-то Военегу дань платили, а стало быть, не ратились, – Медвяна тряскими руками приняла страшную находку Богши. – И что ж теперь, а? Куда? Прямо к Военегу? Сказать ему, что я Нельга?

– Не примет, – промолвила Вейка тусклым голосом, – пришлых не любит. Про то знаю от знакомицы своей. У Сокуров-то родня есть – Рознег, глава рода Новик. С Военегом не дуже дружен, но и не враг ему. Бают, заезжает к нему Рудный. Куда б побежала обезродевшая девка? К родне, хучь и дальней. Ты теперь – Сокур, значит, ищи защиты у Новиков. Надо же, как совпало. Не иначе Сварог перстом огненным кажет – иди, мол, путь твой мне виден.

Медвянка схватилась на матушкин оберег-огневицу, что не снимала с себя, за ней Богша лоб наморщил, глядя на грамоты с затаенным страхом.

– И чего ждем? – Вейка скинула свою сонную одурь, с лавки поднялась. – Медвянушка, так я начну собирать пожитки. Ты бы перстни свои сняла и

спрятала, кольца с косы тоже убери – серебро ведь, не деревяшка. Да и шубейку надо поплоче, эта дюже богатая. Сокуры не Лутаки, им такой деньги, как в твоём роду видать не доводилось.

– Дело говоришь, Вей, – Богша прихлопнул широкой мозолистой ладонью по столу, соглашаясь. – Токмо без деньги мы на новом-то месте набедуемся.

Глянул из-под кустистых бровей на Медвяну, мол, понимаешь ли, о чем я? Она поняла – в схран надо наведаться.

– Ты, Богша, передохни, поешь да запряги мне Василька, – бровями показала, мол, поняла все.

– Как скажешь, Медвяна, – и поклонился слегка, признавая ее первенство в таких делах: ведь не кто-нибудь, а последняя из Лутаков.

Когда солнце окрасило небо закатным пламенем, а морозец прихватил еще сильнее, Медвяна и Богша неторопливо добрались до кромки леса, там расстались ненадолго.

Отец с детства учил Медвяну по лесу не блуждать, путь находить, тогда же и показал, где припрятаны богатства медовые, Лутаковские. Под обрывом, при сходе к речке Шуйке, неприметная нора. С одной стороны ее скрывал крутой холмик, с другой не пускала сама речка, делая петельку-подковку. Вот в ту нору и сунулась опасливо Медвяна, вошла в пещерку малую и под большим камнем выискала сундук. Смахнула пыль, отомкнула замок, крышку приподняла, а там...

Золотые монетки, серебряные деньги, собранные в холстинковые мешочки. Не одним годом скоплены – всей жизнью отца. Дорого брал Лутак за свои мёды стоялые, за медовуху легкую. Как делал, чего добавлял бортник в свои настои, никто не знал, кроме Медвяны. Она отцу зарок дала, поклялась на его мече никому и никогда не рассказывать. Бочки с десятилетними медами тут же были прикопаны: большие деньги можно было выручить за них, если отвезти к князьему двору. На каждом бочонке знак – бочка и копье. Отцовские-то ценились выше иных. А как теперь везти? Лутаков нет, осталась Медвяна, и та уж имя сменить посулилась, чтобы смерти избежать.

Долго смотреть на схрон не стала, взяла несколько мешочков с серебром и один с золотой деньгой, замкнула сундук, заложила камнем, будто нет под ним ничего, и пошла к свету.

– Богша, тут я, – подошла неспешно и напугала дядьку так, что он подскочил на возке.

– Эх, ты! Ведь не заметил. Хорошо по лесу ходишь, тишком, – одобрил мужик. – Вались на сани да едем.

Мерин Василёк вез бодро. Закатным солнцем снега окрасило, будто кровью мазнуло. Тихо вокруг, не тревожно, но и не отрадно. Ехали молча, пока Богша не откашлялся степенно и не спросил:

– Много ли взяла, Медвяна?

– Смотри сколь, – показала мешочки. – Мыслю так, что хватит.

Богша оглянулся через плечо, брови высоко поднял.

– Деньга немалая. На такую-то всю жизнь можно не бедовать. Все вытащила никак?

Медвяна промолчала, не стала говорить, что всего лишь малая толика богатств Лутаковских. Просто кивнула пожившему дядьке.

Вечеряли в темноте. Очаг давал тепло и свет малый. Пареная репа Вейке удалась. Сама ж она очнулась, хлопотала, носилась по заимке. И все бы ничего, но блеск во взгляде – опасный и яркий – показал и Богше, и Медвяне, что не с радости она задышала, а с одного лишь горя и близкого отмщения обидчикам своим.

Ранним утром тронулись. Положили требы богам на добрый путь, и меринок покатыл их сани по лесной дороге. Морозец ослабел и через час повалил крупный снежок, будто умягчил путь странникам.

– Эвон как. Прямо в руку. Следы-то заметёт-спрячет, – Богша коснулся легонько оберега Сварожьего у себя на шее, – Вейка, нож-то при тебе?

Та кивнула, закуталась покрепче в тулупчик душистый и плат теплый.

– Я тоже взяла, Богша. Путь неблизкий, – Медвяна проверила ножик в сапожке: не намнет ли ногу.

– Не бойсь. Доберемся, чую, – вожжами тряхнул. – С этого самого мига нет среди вас, девки, ни Медвяны, ни Вей. Есть Нельга Сокур и Новица. Уясните и инако дружка дружку не кличьте.

Девушки переглянулись, угукнули дядьке и наказ его исполнили.

Через две недели лесных мытарств въехали в Лугань. Медвяна во все глаза смотрела по сторонам, а посмотреть-то было на что. Крутые, высоченные берега полноводного Молога с одной стороны, с другой мелкая, но широкая Свирка. Народу тьма! Лугань не весь, а целое городище! Хоромы большие, богатые, дворы просторные – до трех десятков семей селилось. Волховской домина особняком стоял: нарядный красный конёк на крыше, забор с фигурками богов сильных.

На Новиковском подворье встретил их хозяин – Рознег – принял Нельгу-Медвяну за свою, обмана не углядел. Путники с дороги лгали хмуро, немногословно с того и поверили им, уставшим, потерявшим дом свой и род.

Снежана, большуха Новиковская, смотрела стыло, но мужу перечить не взялась, приняла в дом пришлых Сокуров. Сыновья Новика, оглядев неприметную Нельгу, и вовсе вышли из грядницы, а вот дочка – Цветава – осталась смотреть и улыбаться ехидно.

Красивая, статная, коса цвета темнейшего мёда, глаза – синева небесная по летнему времени, брови вразлёт, губы – вишни спелые. Вольно ж ей было посмеиваться над Нельгой. Та то лицом вроде недурна, но таких воз да тележка малая в каждой веси. Вот разве что волосы цвета молодого медка могли б затмить многих. Но косу-то на лик не повесишь, волосами его не украсишь.

Через месяц неуютного житья на Новиковском подворье Нельга решила жить своим домом. Новик посмеялся – виданное ли дело, девчонка сопливая, шестнадцати лет, безмужняя и хозяйка? Но соплиха упростила дядьку Рознега дать ей малый земляной надел на краю городища, поклонилась ему серебряной деньгой тот и согласился по жадности. А к лету у Нельги уж новый домик стоял и поодаль заимка с бортями. На чистом подворье объявились трое челядинцев из болгар. А потом и денежка потекла к девице: медовуху делала и на торг носила.

Рознег стал было расспрашивать – откуль, мол, знаешь про бортное дело – но Нельга отговорила Богшиными умениями. Языком попусту не трепала, отмалчивалась больше, Рознег и отстал. Так и полетело времечко, покатилося...

Глава 4

Два года спустя

– Некраска, ты ли?! – Местята бежал к другу давнему. – Вот где довелось свидеться. Здрав будь, Квит.

– Боровой! – Некрас шагнул навстречу, обнял крепенько, по спине ударил широченной ладонью. – Ты как тут? Слышал, что подался в дружину к князю Ладимиру.

– Подался, да не пригодился, – вздохнул тяжело Местята. – Теперь тут обретаюсь. В Лугани пристал к мельнику Шувеву. Работаю за деньгу малую и харчи.

– Вон как... – Некрас покивал. – А что ж домой в Решетово? Мамка твоя по зиме болела. Батя седой весь стал.

– Не поеду, – от друга отвернулся, руки на груди сложил. – Чего я там не видал?

– А здесь-то что? Медом помазано? Иль зазную сыскал? Говори уж, Местька.

Некрас улыбался озорно, словно хвастался зубами: белыми и крепкими.

– Стыдно. Куда я поеду? Без деньги да без ремесла? – Местята спесь унял, загрустил.

– Эх, друже, не туда глаза твои телячьи смотрят. Ты вот что, головы-то не опускай. Айда ко мне на насаду? При мне будешь. Сленишься – не спущу, а помогать начнешь – без деньги не останешься, – Некрас хлопнул по плечу дружка своего неудачливого.

– Возьмешь, Некрас? Взаправду? – Местята удивился, но и обрадовался. – К себе? Ты теперича птица важная. Слышал, что отец тебе грамоту свою отдал. Теперь ты сам-один купечествуешь.

– Ну, будет тебе, – Некрас вроде и удерживал друга от слов льстивых, а все же, гордился. – Я за себя беру Цветаву Новикову. Гостить к новой родне приехал, подарки привез. Лёд тронется через месяц, так и собирайся. Токмо помни, коли со мной, значит мой ты человек. Уяснил, голова твоя дубовая?

– Да я...я... Некрасушка, я жизни не пожалею....Я ... – Местятка заметался, не умея подобрать нужных слов. – Погоди-ка, Цветаву? Брешешь! Первая красавица в Лугани. Богатейшего роду.

– Так и я не пальцем деланный. Квитов все знают. Ай, не так? – Некрас подбоченился, шапку на макушку сдвинул. – По себе беру.

– Так, а я чего? Я ничего. И то верно, Квиты род известный не токмо в Решетово.

– А если так, то давай-ка, друже, обмоем уговор наш, а? Вот тебе полденьги, так ты иди и купи медовухи. Самое то по времени. Глянь, весна-то борзо принялась. Снега быстро подались. Не дороги – речки малые.

Некрас и Местята стояли у высокого забора. Вдоль широченной улицы выставлены торговые лотки. Народ по теплу первому толпился возле торговцев, деньгой сорил. Чего тут только не было! И свистульки, и ткани иноземные, и бусы девичьи, и пряники последней муки.

Капель звенела, что птичья трель. Солнце согревало, делая белый снег серым, а потом и вовсе сжигая. Девки, что толпились у лотошников, распахнули тёплые

зипуны, платки с кос скинули. Смеялись весело, будто пташки щебетали после ледяной зимы.

– Так я побегу, а, Некрас? Возьму медовухи Сокуровской. Уж дюже хороша, – Местята подпрыгивал на месте, словно молодой нетерпеливый жеребчик.

– Беги, Местька, беги, – Некрас отдал половину деньги, посмотрел вослед убегающему дружку, а сам с места не двинулся.

Прислонился широченной спиной к нагретому деревянному забору, вроде как прижмурился на солнце. А сам-то на девок глядел. Много их, все разные, а для Некраса будто на одно лицо.

За целый год с половинкой, что Некрас ходил на своей насаде, успел пересмотреть дев великое множество: иноземных и своих. Долго-то ни с одной не задерживался. Скучно становилось, и уходил, бросал дурёх. Все купеческим своим делом отговаривался, мол, вода зовет, деньга сама собой не сделается. Слёз повидал, ругани наслушался, но и в бабье научился разбираться не в пример прежнему.

Одна ждала подарков, другая льстивых слов, третьей хотелось гордиться мужем – знатным купцом. А более-то и не было у девок мечтаний и мыслей. Бывало, что и влюблялись в Некраса, только любовь девичья короткая, но с дальним умыслом – женой стать. Под такой умысел и притворялись девки: кто тихоню из себя строил, а кто веселушку.

Некрас помнил отцовские приговоры и советы. Тот все твердил, что из девки может получиться неведомое, а как стала бабой, так сразу вся ее суть налицо. Некрас-то не верил, но жизнь показала – прав был батька, ой как прав. Насмотрелся на друзей окрученных, на их жён молодых и понял – как стала девка мужатой, так и изменилась. Была улыбчивой девицей, а получилась баба с унылым ликом. Слыла разумницей, а стала дура дурой. Вон и невеста Цветава, вроде ласковая, а что потом? Сварливая тётка?

Стоял младший Квит, думки свои думал, грелся на раннем солнышке, смотрел на толпу пеструю и вроде видел всех, а никого не замечал.

Долго думать не пришлось – заметил девушку одну. Поначалу поблазнилось, что высока, а уж после, когда пригляделся, понял – спину прямит, с того и смотрится выше. Плечи ровные, шея длинная. Коса цвета светлого мёда – тугая, блестящая и долгая. Лоб под вышитым очельем бел и гладок. Из-под распахнутого дорогого зипуна рубаха девичья виднеется – вышивкой богатая – а под ней грудь высокая, и по всему видно, упругая. Стан тонкий, гибкий. Ножки в приметных сапогах. Руки белые, на запястьях обручи хоть и тонкие, но серебряные. Ликом и проста, и непроста. Вроде нет ничего особого, но глаз не отвести.

Рот великоват, но тем и манит, брови изогнуты гордо. Нос, щеки – все как у людей. А вот глаза... Некрас подался от забора, будто подкинуло его. Глаза-то зеленые. И светят той самой зеленью, что на поздней листве проступает. Глубоко да ярко. И взор такой, что омут в Мологе, самой полноводной реке в округе.

Сама не улыба. То и показалось Некрасу чудным. Вокруг все зубы скалят, перешучиваются, а эта идет, словно все мимо нее, не с ней. Квит и так смотрел, и эдак разглядывал – не понял, не уразумел какого она корня. По всему видно не из бедных. Вроде родовитая, а идет одна: ни челядинки рядом, ни брата. В зеленых глазах таилось что-то, а что не догадался.

Бусы и свистульки она смотреть не стала, прошла и мимо пряников. Мазнула взглядом по белому льну, что лежал на лотке у торговца, но и там не задержалась. Стылая? Ну, нет! Таких Некрас уж давно определял с одного взгляда. Эта огневая, только на вид холодная.

Не успел мысль свою уцепить, как девица лицом переменялась, засияла улыбкой, ослепила Квита. Губы румяные изогнулись красиво, зубы белые сверкнули, озарили лик простой и сделали его во сто крат милее.

– Кому ж улыбку кинула, а? – проследил зеленый взгляд и рыкнул с досады.

Парень молодой и ладный, шел неторопливо к чудной деве. Красив, не отнять: волос светлый, глаз голубой. Статный и высокий. Вот ему и досталась улыбка яркая.

– Некраска, глянь-ка, вот она, медовуха, – Местята подлетел, затоптался, как щеня-подлеток. – Ты чего замер-то, а?

– Кто такая? – Некрас головой мотнул в сторону зеленоглазой. – И кто это с ней?

– Эта? – голос Местяты посуровел. – Нельга Сокур. А это Тишка Голода, чтоб ему...

Некрас к другу повернулся удивленно – уж очень злой голос у парня. Обижен?

– Ты чего, Боровой? Знакома она тебе? – по глазам догадался – знакома. – Чего ж брови насупил? Никак отлуп тебе дала? Эх ты, тетёха.

– Что ржешь? Она всем отлуп дала. Ходит с Тихомиром своим, как прилипла к нему. Тьфу!

– Чего ж не посмеяться? Что, сильно обидела? – Некрас с другом-то болтал, а сам снова прикипел взглядом к Нельге.

– А то нет? Я к ней по-хорошему, с подарком, а она возьми и тресни меня дрыном промеж глаз. Ажник искры посыпались, – жаловался Местята.

– Завираешь, друже, ох, завираешь. Коли по-хорошему, так и драться бы не стала. Руки распустил, да? – ответа Некрас уж не услышал.

Нельга и Тихомир поравнялись с забором, возле которого стояли приятели. Квит выпрямился, подбоченился, уставился на зеленоглазую, а она и не посмотрела. Мазнула равнодушным взглядом, словно никого нет, место пустое. Прошла мимо, за ней протопал красивый Тишка, снуло глядя под ноги.

Некрас рассердился, что взглядом-то за него не зацепилась. Про себя выругался да и послал подальше светловолосую, мол, катись ты, и без тебя не заскучаю. Девочек вокруг полно, да еще и краше тебя, поганка.

Только не понял, отчего шею изворачивал, провожал взглядом чудную девицу до той поры, пока она и парень ее видный не свернули в проулок.

А вот Местята понял, перехватил поудобнее малый бочонок с медовухой и оглядел Некраса. Вырос, друг его шебутной, заматерел. Высок, плечист. Морда как была, так и осталась – не красавец, но пригож. Брови вразлёт, борода окладиста, усы густы. Глаза темные, блескучие. Одет не в пример самому Местяте: и рубаха, и штаны, и сапоги – дорогой работы. Пояс тисненой кожи, а на нем проушины. А для чего? Ведь купец, не дружинный. Меча вроде не должно носить.

– Что, понравилась? Да Нельга та еще... И нет в ней ничего, вот ничегошеньки, а парни липнут. Знаешь, Некраска, мыслю, что от походки ейной. То ли идет, то ли плывет. Стать у ней особая, руки сами тянутся приобнять да пощупать. Не инако Лада ее челомкнула при родах. А еще душистая она... Цветами-травами пахнет. И как такую мимо пропустить, а?

– Расщебетался, что воробей в кустах. Нужна она больно, гордячка бледная. Ничего в ней нет.

– Ну, так-то глянуть и, правда, нет. Цветава твоя вот точно жар-птица! Аж смотреть боязно. Красивая. Удачлив ты, Некрас, ох и удачлив.

Некрас в ответ на такие речи ничего не сказал, подумал только, что на одной удачливости далеко не уедешь, не уплывешь. Окинул взглядом Местятку – кудрявого, высокого, нескладного – уразумел, что не поймет его друг. Квит, когда насаду от отца принял – измучился. Собрал ватагу свою, а как ей указывать, куда вести, что покупать-продавать, и знать не знал. Учился денно и ночью, перенимал науку торговую у отца, упирался, и вышло. Обжигался, выгоду свою терял, но мудрости набрался. Скрытно и мечному мастерству выучился. А как иначе? Лихие людишки на чужое добро всегда зарились, а стало быть, без защиты никак нельзя. Хоть и не урядно, но меч при себе носил. Ватагу свою обучил и уж не тратился на наймитов дружинных для охраны, сам отмахивался. Про умение своё никому не рассказывал, дурачком прикидывался.

– Удачлив, Местята. Велес меня хранит. Идем нето, медовуха-то мерзнет, – хлопнул по плечу дружка, повел подальше от торговых лотков.

Вечеру явился Некрас на Новиковское подворье. Цветава уж ждала, топталась у ворот. Квит улыбнулся, любясь ее красотой: глаза синие, коса толстая, улыбка яркая, губы спелые. Стать особая – округлая, гладкая. Некрас рад был такой

невесте, но не боле. Цветава до поцелуев жадная, решишь Квит сделать ее своей без вено она б и не противилась. Но позорить новую родню не стал – выгода велика. Денег в роду много, и за Цветавой приданого давали богато. Невеста в самый раз для купца! Как знакомство свели семьями, так она первым делом выпытала – сколь деньги у женишка, велик ли дом, челядь будет ли. Некрасу отрадно было слушать, ведь и сам не без жадности к злату

– И где бродишь? Кому подмигиваешь? Улыбаешься? – Цветава подошла плавно неспешно, прижалась спелой грудью к плечу Некраса.

– Ревнивая никак, Цветавушка? Сама помысли, кому тут улыбки дарить? У меня самая красивая невеста в округе. Разве можно на других-то смотреть? Все они рядом с тобой поганки бледные. Веришь мне?

Некрас давно уж понял – лесть любит, привыкла к ней и иных слов не ждет, одну лишь похвалу.

– Верю. Так ты знай о том и помни, что я для тебя одна. Некрасушка, скучала за тобой. Все глаза проглядела, – вздохнула глубоко и волнительно.

Обнял девушку, потянул за собой в дальний угол подворья, а уж там заласкал-зацеловал. Больше для нее старался, сам-то привык к иным ласкам – погорячее, позабористей.

Одно странно – в голове тонкой деревянной иглой засела зелень глаз и коса цвета светлого мёда. Колола та иголка неприятно, о себе забыть не давала. Некрас проводил Цветаву до крыльца и пошел к домку, где ему ночевать отвели новые родственники. Дорогой все морщился, бровь изгибал и бормотал:

– Сокур...Сокур... Откуль такие, а?

Глава 5

– Нельга, иди-ка. Опять твой пришел. Глянь, стоит, красуется, – Новица-Вейка стояла на крылечке небольшого опрятного домка. – Вот имя-то прямо по нему – Тихомир. Слова не допросишься, тихий да мирный.

Нельга услышала, взметнулась с лавки, косу за спину перебросила и бегом в сени. Подхватила зипун, накинула на плечи и к Тише. Тишеньке...

Как полюбила, когда, за что и сама не могла понять. Тихомир Голода красив, не отнять – глаза голубые, кудри мягкие пшеничные. Стать видная – плечи широкие, руки крепкие.

Сокуры особняком держались среди Луганских. Молча и тихо. Однако людей не сторонились – трудно прожить наособицу. То там, то тут попадался Нельге на глаза красивый парень. Не заговаривал, но смотрел так, что делалось тепло и боязно, а вместе с тем и окатывало приятной тревогой, шевелило сердечко затаенным девичьим.

Однажды после посиделок у Рознега Новика пошел Тихомир провожать Нельгу по вечерней поре. Молчал, но и не отставал. А Нельга волновалась-тревожилась, все никак не могла унять бешено стрекотавшее сердечко. У своего подворья остановилась, обернулась к парню и вымолвила:

– Что ж провожатый такой тихий попался? Ай, слова по дороге растерял?

– Слова что? Звон пустой. А ты красивая, Нельга. И молчишь все время. То люблю мне, – голос тихий и нежный, а взгляд теплый.

– Так уж и люблю, Тихомир?

– Любо.

С тех пор о сердечном он не говорил, а Нельга и не просила. Гуляли вечерами, смотрели на одно и то же, видели одинаково. Со временем и сама Нельга уверилась – зачем слова, когда и так все ясно.

С Тишей ей покойно было, нежно. Бывало, усядутся на поваленную березку на берегу полноводного, светлого Молога, и смотрят, как бегут-перекатываются глубокие воды его. Нельга склоняла светлую голову на плечо Тихомира, тот обнимал ее осторожно за плечи и сидели до темноты, будто говорили молча. В такие вот дни чудилось Нельге, что отступает злость ее, горе прячется, а месть кажется не такой уж и нужной. Легче становилось рядом с ним. За то и любила,

голубила Нельга красивого нежного парня.

Он провожал домой, тихо касался губами ее губ, гладил теплой ласковой ладонью ее волосы и отпускал. Уже в хоромцах, на лавке широкой возвращались к Нельге тяжелые мысли о мести и удушливая злоба. Дышать тяжело, жить мучительно. И ждала девушка новой встречи с любимым, коротала дни свои за работой.

Но была и малая ложка горя в том сладком любовном меду. Сильно боялась Нельга, что Тиша заговорит о вене. Знала, что женой его стать не может. Мечь Военегу Рудному – дело опасное, а тянуть Тихомира на верную погибель не могла никак. Любила крепко. Знала, что недолго продлится радость девичья, с того и смотрела на Тишу подолгу, все старалась запомнить любовь свою первую, а там кто ж знает, может и единственную.

– Тиша, здрав будь, – Нельга подошла к воротам, где ждал ее парень. – Идем нынче к Мологу?

– У воды знобко еще, Нельга. Лучше промеж изб держаться. Идем вдоль улицы, а там наискось к дому волхвы, – Тихомир кивка дождался, сам в ответ головой качнул и повел девицу.

Она впереди на шагок, а он за спиной ее, словно приклеенный. Хрустит под ногами крупчатый подтаявший снег, пахнет талой водой весенней. И запах тот шальной будоражит кровь молодую, веет скорым теплом, радостью летней, близкой.

В конце улицы у дряхлого домка Суропиных наткнулись на шумную, веселую толпу парней и девчаток.

Впереди всех красавица Цветава Рознеговна, рядом с ней нарядный парень – высокий, крепкий. Нельга поняла, что он и есть тот самый жених Новиковский – Некрас Квит. Звала ее тётка Снежана на смотрины да Нельга отмолчалась, а потом и вовсе не пошла. Опасалась чужаков – а ну как узнает кто, что она и не она вовсе, а беглая Лутак?

– Тишенька, Нелюшка, – голос Цветавы сочился сладостью непривычной. – Все гуляете, все бродите. А и чего ж не походить? Дело-то молодое, любовное.

Смех красивой дочки Новика прозвенел колокольцем, только Нельга не поверила ему. Знала давно, что Цветава девица жесткая, иной раз и злая.

– Здрава будь, Цветавушка, – широко улыбаться не стала, лгать лишний раз не пожелала.

– Айда с нами, – Цветава махнула белой рукой, сверкнула новым обручем на запястье. – Чего одним бродить?

Нельга и догадалась – хвастаться будет женихом и подарком его. Открыла уж рот, чтобы отказаться, но Тихомир опередил, молвил:

– Нам покамест и вдвоем не скучно, Цветава Рознеговна, – улыбнулся светло, взял Нельгу за руку, мол, идем, чего стоять.

Пока болтали, толпа веселая далеко ушла, унесла с собой смех громкий и шутки озорные. Нельга оглянулась на них, поглядела вслед, а потом взгляд перевела на Цветавина жениха. Лучше бы не смотрела...

Глаза Некраса будто светились, иначе не скажешь. Нельга от такого его взгляда вздрогнула, попятилась, но разума не утратила. Сделала малый шаг и скрылась за широкой спиной Тихомира. А Квит, как нарочно, вбок подвинулся и снова уставился на Нельгу.

У нее от дурных мыслей сердечко застучало быстрее! Чего смотрит, а? Неужто признал? Вроде не знакомы и раньше-то не виделись. С того Нельга лицом посуровела и глянула прямо на Некраса. А тот, заметив взгляд недобрый, бровь вскинул, но смотреть не перестал.

– Нелюшка, завтра у нас гулянье в дому. Ты приходи, чай, родня, не чужачка, – Цветава заливалась соловушкой. – И Тишу приводи. Одной-то тебе, поди, скучно будет, а?

И снова смех колокольцевый, но лживый и прохладный.

– Спасибо, Цветава. Я до гулянок не охоча, – Нельга от Некраса отвернулась, но знала, что все еще смотрит, глаз не отводит. – Невеселый гость из меня.

– Вот и развеселишься. Некрас-то мой – затейник. Он скучать не даст. Да, любый? – Цветава взяла жениха за руку, улыбнулась светло.

– Верно. Приходи, Нельга, – голос у Некраса глубокий, певучий. – И ты, Тихомир, заходи.

– До завтра еще дожить надо, – отозвался Тихомир негромко. – Прощайте. Идем, Нельга.

– Идем, Тишенька. – Нельга пошла быстро, не желая более смотреть в темные глаза Некраса Квита и слушать Цветавины лживые речи.

И снова скрипучий талый снег под ногами, тишина сумеречная. А и хорошо было Нельге идти просто так, зная, что за спиной ее Тиша любимый. Жаль одним недолго пришлось гулять. У подворья волхвы их снова окликнули.

– Нельга, что ж не зайдешь? – сама волхва стояла у ворот своего дома.

– Здрава будь, Всеведа, – Нельга легонько поклонилась, иначе никак, ведь сама волхва!

– Давно уж жду. Ай, боишься? – голос добрый, а взор внимательный и серьезный.

– Не боюсь, Всеведа, – Нельга выпрямилась, взгляда не отвела.

– Вот так-то лучше. Так ты приходи. Токмо одна, без Тихомира. Посидим, поговорим, – вроде приказала.

– Приду. Благодарствуй.

Тихомир тоже головой кивнул, мол, почтение тебе, волхва. Потянул Нельгу за рукав и уж далее шли они обычным своим порядком – молча, тихо и благостно.

У домка Нельгиного остановились. Она ждала поцелуя... Тиша нежно и легонько коснулся губами, погладил волосы ладонью, а вот Нельга вздохнула грустно. Уж сколько времени вместе, а он все нежно да тихо. Девичье молодое просило

большого, а Тиша...

Простились тепло и разошлись по домам. Только вот Нельге дом не в радость. Новица совсем плоха сделалась. Только про Военегу и говорила. Все ждала заветного часа, когда приедет он и получит месть свою. И он сам и его дружинные. Вот и сейчас, как только Нельга ступила на порог, Новица бросилась к ней: глаза сверкают, брови высоко выгибаются.

- Едет! Едет он! Наозоровался на границах-то. Слышь? И дружину ведет. Два года ждали, Медвяна. Два! - выкрикивала, будто радовалась.

- Тише, тише Веечка, - Нельга прижала ее голову к своей груди. - Не называй меня так. Услышат.

- Пусть слышат. Скоро уж... - но голос умерила, обняла Нельгу и замолкла.

- Правда едет?

- Верное слово. Нынче слыхала от вдача Новиковского. Через месяц-другой ждут. Ты уж будь настороже.

- Буду.

Сказать-то сказала, а сердечко заняло-забилось. И все о нем, о Тишеньке. Стало быть, близка разлука.

Ночью уж на лавке под теплой шкурой металась-ворочалась. Месть из головы не выкинула: мать с отцом часто снились, ждали расплаты. А вот Тихомир... Решила Нельга, что станет его и безо всякого вена. Кто знает, какой судьбой боги оделят? И не убьют ли после родственники Рудного?

Утром приехал с дальней заимки Богша, выслушал Новицу, насупил брови, кивнул, молча, мол, понял. Поманил за собой Нельгу во двор. Та подхватила ведро, вроде за водой к колодцу собралась.

- Одумайся. Ведь убьют тебя. Кому с того хорошо сделается? Мать с отцом не вернешь, а себя погубишь.

– Не могу, дядька, не могу. Каждую ночь снятся и мама, и батюшка. А еще ребятёнок Желаны. Помнишь ее? Вдова Добрева. Сыночку ее дружинные шею своротили. Я еще помню, как он в сугробе в одной рубашонке лежал. И не проси, Богша. Не спущу, – Нельга сверкнула зелеными очами, руки на груди скрестила, будто отгородилась от Кривого.

Тот помолчал немного, поглядел на двор, на дом и высказал:

– Ну, раз так, то пропадать вместе будем. Ты вот что, Нельга, как решила, так и делай. Дурман-то приготовила? Разумница. А я уже расстараюсь, вывезу тебя с Новицей. Покумекаем еще.

Нельга кивнула и обернулась на громкий смех редкой завлекательности. Из тех, которому хочется и можетя вторить.

– Вона, глянь. Идет подрунька твоя. Иди нето, прогуляйся до колодезя. Я тебя в сарайке жду. Травки для медовухи мне соберешь? Ну, добро. Иди уж, мстявая.

Кривой ушел, а Нельга поторопилась навстречу подруге своей из местных – Званке.

– Нельга, где ж бродишь? Ищу тебя у колодезя, а там токмо бабье сварливое.

Нельга уж собралась ответить, но не понадобилось. Званка завсегда сама на вопросы-то свои отвечала. Оттого и подружились.

Молодая вдовица рода Красных заметила молчаливую Нельгу, не постеснялась подойти и заговорить. Вот с того дня и дружили Звана и Нельга. Сейчас симпатичная двадцатилетняя женщина махала рукой, манила пойти поболтать. А где ж еще лясы точить, как не у Ямкиного колодца? Самое ушлое место во всей Лугани. Там собирались девки, бабы, старухи и всласть чесали языками. Кто кого, кому с кем, зачем да почему – все там выведывалось, передавалось из уст в уста и летело по городищу. Мужики то место обходили большим кругом: не приведи Перун попасться на язык бабской толпе.

– Идем нето, – Звана взяла Нельгу под руку и потянула. – Нынче Шелепиха своего сынка расписывает. Вот врет, баба, я аж заслушалась! И богатый он у

нее, и сильный. Да видала я того Замяту – дурак дураком. Зенки выпучит, брови под волоса возведет – на Новиковского мерина похож. Чего? Не помнишь? В начале года, когда тебе восемнадцать стукнуло, аккурат в день, когда я тебе рушник расшила? Тьфу, Нельга. Мерин-то понес! Чуть Листвянку Зыкову не потоптал. Вот у него и были зенки пученные, хвост трубой и харя такая...аж...ну...дуже изумленная и неосмысленная. Пряма Замята!

– Званочка, ты чего ж наговариваешь? Скотину с человеком путаешь? – Нельга едва не засмеялась, уж очень смешно Званка пыталась показать глаза мерина.

– Ты Замятку не видела! Честное слово, мерин Новиковский! – пока болтали, дошли до колодца.

А там, ужас что! Шелепиха сцепилась с бабкой Сечкой. Пух и перья! Званка глазами показывала Нельге, мол, а я что говорила? Сечка про Замяту не постеснялась высказать в подробностях, за что и получила от Шелепихи за чадородное и любимое.

Бабы смеялись, подзуживали. Званка с Нельгой набрали воды, и уж подобрались пойти по домам. Отошли-то недалеко.

– Нельга, глянь, никак Соловушка, – Званка затряслась от смеха.

А вот Нельге не смешно вовсе. Рядом с мельниковым работником – Местятой – вышагивал высокий Некрас Квит. Заметил ее, бровь изогнул и взглядом ожёг, будто жаром печным окатил.

– Идем-ка, Званушка. Ты все сулилась мне про Местяту рассказать, – Нельга поторопилась уйти подальше от темных блескучих глаз Квита.

– Такое девице слушать не надобно, – Званка глазками ясными сверкнула, но по всему было видно, что рассказать ей очень уж хочется. – Ладноть, ты уж не соплюха. Вон и Тихомир похаживает. Глядишь, к осени обряд справим.

Нельга услышала тихую печаль в голосе подруги. Давно уже знала, что поглядывает она на Тишу не с простым интересом – с бабьим. О том никогда слова друг другу не сказали, и приятельствовали крепко.

А Местятка... Нельга не рассказала Зване о случае, когда кудрявый нескладный парень подстерег ее вечерком на дроге и к забору прижал. Получил крепко по лбу дрыном из хлипкого плетня Зеленевых, попавшемся под руку напуганной Нельге.

- Расскажи, Званочка, - Нельге и самой любопытно было.

- Ну, слухай... - открыла уж рот Званка да ее окликнули.

- Здрава будь, Звана, - Местята, насупившись, оглядывал то Нельгу, то Звану.

- И тебе не хворать, Соловушка, - Званка постаралась не смеяться, однако не вышло, и залилась симпатичная молодуха звонким хохотом.

Нельга не сдержалась - заразительный смех у подруги - и прыснула, но себя одёрнула. Уж очень странно посмотрел на нее Цветавин жених. Местята дернулся, рассердился, но друг его руку опустил на плечо, вроде как успокоил.

- Что ж смеетесь, красавицы? Расскажите и мы с вами, - Некрас молвил, голосом заморозил глубоким и сладким.

- Пусть друг тебе твой обскажет, - Звана подбоченилась, подмигнула игриво Квиту.

- Язва ты, Званка! - вскинулся Местята.

Званка принялась отругиваться со смехом, Местята в ответ. А Квит, меж тем, подошел к Нельге и смотрел молча. Взгляд тягучий, медленный. Начал с очелья, оглядел внимательно, а потом ниже прошелся, да с таким мужским горячим интересом, что Нельга едва не вспыхнула.

- Очелье красивое. Сама вышивала? - Квит улыбнулся и ближе двинулся.

- Не умею. Звана дарила, - Нельга отвернулась уж, чтобы уйти.

- Постой, Нельга. Неужто не хочешь два слова кинуть? Не меня ли боишься?

- Бояться не боюсь, но и говорить недосуг.

- Вышивать не умеешь, то я уразумел. А что умеешь? - Некрас сделал пару широких шагов, путь перегородил, заслонил широкими плечами.

- Не одарили боги пресветлые, - Нельга попыталась обойти дюжего молодца, а тот ни в какую.

- Ой, ли? Так ничего и не дали? Ходишь неумехой? - подзуживал с улыбочкой.

- Так и хожу, Некрас. - После ее слов Квит улыбку с лица смёл и задумался.

- Интересно ты имя мое говоришь. Местные так не бают. Откуда ты, Нельга?

Нельга подобралась, крепче сжала в руке веревье ведерка с водой, и буравила взглядом балагура.

- Твой какой интерес? Откуда надо, - сказала недобро и зло.

А Квит будто вспыхнул, метнули взгляд огненный, плечи развернул во всю ширь.

- Вон как... Говорили молчунья ты, тихоня, а глаза-то пламенем горят.

- То не твоя забота. Пусти. Пусти, Некрас. Дома меня ждут, - и пошла мимо, будто нет его говоруна любопытного.

- Тихомир поди? Ну иди... Иди, Нельга. Вечером-то приходи на посиделки, - уже в спину говорил.

- Недосуг.

- Врешь. Прячешься?

Нельга будто споткнулась, застыла, пытаюсь унять стук сердца. Испугалась! Никак узнал чего? Вздохнула глубоко, обернулась к противоположному парню.

– С чего бы мне? Цветаве скажи – приду. Прощай нето.

– Передам, красавица. И сам ждать буду.

Глава 6

Некрас ждал вечера нетерпеливо. Все на солнце смотрел пузатое, что никак не хотело боком своим круглым касаться дальнего берега Молога. О Нельге вспоминал, а если по правде, то забыть не мог. Взгляд, что кинула на него зеленоглазая днем у колодца, едва не сжёг. Огонь, чистый жар! Вот и маялся в нетерпении, а когда время подошло, не рад стал.

Некрасу те посиделки попрек горла встали. Поначалу вроде все по-людски: девчатки пришли и парней привели. Расселись в большой гриднице – лучинки трещали, печь тепло давала мягкое – и давай болтать-шутить. Громче всех Цветава. Уж и хвасталась женихом богатым, и подарками щедрыми похвалялась. Челядинки несли угощения: сметков, киселю ягодного. Никого не обделили, всем досталось. А чуть позже пришла она – зеленоглазая. За ней шел Тихомир, словно спал на ходу. С того самого мига Некрас и перестал зубы скалить, шутки шутить и прибаутничать.

И спроси его сейчас хоть сам Сварог, не ответил бы что стряслось-то? Откуда злость непонятная? Одно знал наверняка молодой купец – все это в голове вертелось только тогда, когда глядел на Нельгу Сокур. Та сидела прямехонько, да вот голова светлая клонилась к плечу красивого Голоды. Взгляд сиял самоцветами, губы румяные изгибались в улыбке до того нежной, что Некрас позавидовал. Едва ли не в первый раз в жизни сердился, что не ему чужая девица улыбку кидает, не с ним сидит, не ему протягивает плошку киселя. А более всего злился, что Нельга на него не единого раза не взглянула, будто нет его.

Повезло, что и без Некраса говорунов была тьма на посиделках. Разговор не смолкал, байки и сказки сыпались, что горох из мешка с дырой. Смотреть-то не мешали, Квит и смотрел. Досмотрелся...

Нельга говорила мало, все только с Тишей своим, а когда тот принимался отвечать, светилась, да бездумно трогала оберег, что висел на шее белой.

Некрас заметил – оберег-то бабий! Огневицу дарила Лада Пресветлая, Праматерь. А тут на девке... Не прошло мимо Квита и то, что дорог он ей, ой как дорог! Прикасалась к кружку серебряному, будто ласкала. Так-то все больше на грудь любовался – высока, округла. Рубаха ластилась к Нельгиному телу, обвивала красиво – глаз не отвести.

– Некрас. Нерка-а-а-а-с, – смех Цветавы и щипок ее болезненный. – Ты чего застыл? Дозваться не могу.

– Задумался, красавица, не взыщи, – заглянул в глаза невестины и вмиг стал серьезным.

Видела Цветава, куда смотрел он, на кого любовался. Вон как глаза синие сверкают, едва искры не летят. Очнулся, взял невесту за руку, приласкал теплые пальцы, заговорил, зашутейничал. Все через силу – не того хотел, не о том думал.

Уже к ночи, когда толпа с гомоном повалила из дома Новиковского, поднялся с лавки и вышел на порог. Цветава, будто чуя его стылость, руки не отпускала, все прижималась. Тем сердила, но Некрас терпел. Глаза его невеста не смогла взять в полон, а потому он снова прикипел взглядом к Нельге и Тихомиру: они шли первыми, будто сбегали от шумной и веселой толпы.

Блеснуло что-то? Некрас подался вперед, выдернул руку из крепких Цветавиных пальцев. Шагнул с порога и вгляделся. Оберег, что ласкала Нельга, валялся в талом снегу, истоптанном конскими копытами и людскими сапогами. Подошел неспешно и поднял находку свою.

– Вон как... – мысль-то сразу поймал, да и сообразил, как избавиться от волшбы непонятной и опасной, от зелени глаз и медовой косы, что донимали во сне минувшей ночью.

Сунул серебряный кругляш за пояс, повернулся, услышав быстрые шаги по хрусткому снегу.

– Некрас, что ты? Никак обронил чего? – Цветава стояла рядом, глаз с жениха не спускала.

– Поблазнилось, голубка. Пойду я. Завтрева рано вставать. Скоро отец приедет по купеческой надобности, так хлопот много. Надо товара на насаду искать. Лугань-то богатая у вас. Ай, не рада? Что бровь изгибаешь?

– Иди, коль нужда есть. Держать не стану, – гордый вид, а глаза-то слезливые.

Пришлось обнять, приласкать, хоть и мыслями уж далеко был – там, где шагала сейчас зеленоглазая поганка, та, что из головы не шла никак.

– Спи спокойно, Цветава. Вскоре с отцом придем к вам на подворье, ты уж своих упреди, – пригладил ее мягкие волосы и выскочил за ворота.

Постоял минутку малую вдыхая шалый весенний дух – то ли горький, то ли сладкий – и побежал по крупчатому снегу туда, где на отшибе стоял малый домик Нельги. О нём ему уж успел поведать друг его Местятка.

В темноте сбился, но вывернул туда, куда хотел. Рыкнул, когда увидел у ворот дома Нельгу и Тихомира. Луна полная на небо вылезла, осветила улицу, словно солнце дневное, нарисовала для Некраса неприглядное – красивый парень склонился и поцеловал легко румяные губы, пригладил медовые волосы.

– А и дурень, – прошептал себе под нос Квит. – Кто ж так милует? Чай, не сестра, не мамка.

Тихомир дождался, пока за Нельгой дверь прикроется и пошел восвояси. А Некрас остался дожидаться, понимая, что скоро девушка хватится берега и выскочит на улицу, а уж поймать ее проще некуда.

Спохватилась она сразу. Выбежала из дома: зипун нараспашку, коса по ветру. Заметалась по темному двору, разве что руками не шарила по талому снегу. Головой мотнула и побежала за ворота, все под ноги глядела. Хлопнула глухо калитка, тишину покорибила. Нельга направилась по улице, но далеко не ушла. Некрас окликнул:

– Потеряла чего, Нельга? – Некрас сделал шаг к ней, зацепился взглядом за светлые волосы, что красиво мерцали в лунном свете.

– Некрас? Ты как тут? Цветава послала? – она шагнула ближе к парню, да и тот на месте не остался, качнулся навстречу.

– Что ж сразу Цветава? У меня своя голова на плечах есть. Да и обряда пока не справили, – Некрас бровь изогнул сердито. – Так что ищешь, медовая?

Она вздрогнула, да так сильно, что Некрас удивился: никак испугалась? Чего? Вроде не обижал еще.

– Как ты сказал? – глаза ее распахнулись широко.

– Я спросил, чего ты ищешь, медовая? – ответил парень, и вновь удивился перемене: Нельга выдохнула с облегчением, словно гору с плеч скинула.

– Оберег обронила, а где не ведаю, – Нельга оглянулась, руками развела, мол, что делать?

– Не этот ли? – Некрас достал из-за пояса огневицу.

– Храни тебя Макошь! Где же нашел? – Нельга бросилась к парню, протянула руку за серебряным кружком, а Некрас руку одернул, приподнял повыше.

– Торопись, медовая. Вижу, что дорог он тебе, так отчего бы я просто взял да отдал? Откупись, – сказал и совсем близко встал к зеленоглазой.

– Чего ж хочешь за огневицу? – попятилась, но Некрас не пустил – обнял большой ладонью стан тонкий, притянул к себе.

– За огневицу – поцелуй огневой, – с теми словами сделал шаг по талому снегу, прижал Нельгу к забору. – Поцелуешь, как я хочу и отдам. Я не жадный, медовая – щедрый. Удоволишь, так и подарок оставлю. Скажи, что любо тебе? Бусы, лён белый? Или серебром одарить?

Говорить-то говорил, а в голове помутилось, иначе и не скажешь. Запах ее цветочный, тепло девичьего тела под зипуном, стройный стан совсем с ума свели. Того и гляди полыхнет яростное мужское! Сам себе удивлялся: глупости своей, настойчивости непривычной.

– Пусти, – строгий голос Нельги не образумил парня, наоборот, раззадорил и подстегнул, словно плеть.

– Только поймал, и отпустить сразу? Нет, Нельга, – прошелся жадной ладонью по телу от спины до бедер. – Поцелуешь и оберег твой.

– Отпусти, Некрас! – вскрикнула, затрепыхалась, попыталась оттолкнуть парня, да куда там – вцепился не оторвать. – Не стану! Слышишь? Не стану целовать! Пусти! Все Цветаве расскажу!

– Рассказывай. И Тишке своему снулому расскажи, – разум обронил, прижался жаркими губами к ее рту, поцеловал жадно.

Нельга вскинулась, уперлась руками в грудь, ногой пнула по его ноге, а Некрас без внимания. Не отпустил. Прижал к забору еще сильнее, да так, чтобы почувствовала Нельга крепость тела, жар в нём полыхающий. Она испугалась и укусила больно.

Некрас взвыл, руки разжал, Нельга отскочила и побежала вдоль забора к воротам. Уже оттуда говорила:

– Верни оберег. А про нелепие, что ты сотворил – смолчу. Пусть боги пресветлые тебя судят.

– Надо же... – Некрас вытер губы, оглядел ладонь. – Укусила, как пчела ужалила. Оберег не верну, Нельга. Я тебе свою цену назвал, а ты не расплатилась.

– Тебе для чего оберег женский, а? На себя не наденешь. И продать – навару немного. Верни, Некрас, – в голосе ее проступила мольба.

Квит, будь он в здравом уме, ту мольбу услышал бы, но в голове звон, на губах укус, а пуще все то, что на руках осталось тепло ее тела. Парень вызверился на несговорчивую Нельгу, а сильнее того на себя и все за то, что таким дуроломом себя выставил. В первый раз так-то девицу нахрапом пытался взять. Волшба, не иначе!

– Не твоя забота, что я с ним сделаю. Захочу выкину, захочу в печь брошу. Тебе отдам токмо за поцелуй. То мое последнее слово. Теперь-то цена иная, Нельга. Укусила – плати. Теперь сама ищи меня, сама проси и сама целуй, – грозился, злобствовал Некрас, только откуда-то знал, что не согласится.

Не согласилась, поганка.

– Вот ты какой Некрас Квит, – Нельга руки на груди сложила, оглядела надменно парня. – А и чего ждать от купца? Торгуешься, покупаешь? Не продаюсь я ни за серебро, ни за бусы. Ищи другую. А оберег...

Тут она запнулась, а Некрас зверея, все же приметил, как подернулись отчаянием яркие зеленые глаза, как задрожали губы, те самые, что он целовал так жадно вот только что.

– Оберег – память о матери моей, Некрас. Тебе с него проку никакого, а мне единственное, что осталось. Верни. Просто так верни. К чему тебе поцелуи мои холодные? Иных не жди. Не тебя люблю, – сказала ровно, будто с берёсты прочла.

– Мне любовь твоя не надобна. Кого хочешь, того и голубь, Нельга. А мне мое отдай. Промедлишь с поцелуем, назначу иное и тогда сама будешь врать на обряде, почему холстинка без крови, – сказал и выпрямился: гордо, нагло.

– Стало быть, не вернешь? – Нельга руки опустила, сжала кулачки.

– Я все сказал, медовая. Сама меня ищи, – развернулся и пошел.

Дорогой злился, плевался и сам себя не узнавая, горел, словно в печи – вспоминал теплые мягкие губы и дурманящий запах Нельги.

– Ох, ты! Никак Некрас Квит? И как же Цветава жениха своего разлюбезного отпустила в ночь, а? Ведь умыкнул такого-то молодца, – симпатичная женщина стояла у ворот неприметного домка и улыбалась, глядя на Некраса.

– Ты умыкнешь, красавица? – ответил по привычке, но на бабу симпатичную глянул и оценил – взгляд смелый, стать есть, хоть и приземиста.

– А если и я? – подмигнула игриво, но голос умерила и оглянулась на свой домок, в котором свет еще не гасили.

– Так чего ждешь? Идем нето, – бросился к ней, схватил за руку. – Моя будешь сегодня.

Знал Квит – такой его голос не каждая могла вынести. Вот и эта вмиг стала покорной, плечи опустила и поплелась смиренно за Некрасом, будто собака за хозяином.

В сарайке, что стоял на подворье, Некрас толкнул молчавшую женщину к стене, навалился сзади, поднял подол и взял – быстро и сильно. Брал не с большой охоты, скорее со злости.

Через небольшое время, женщина заскулила, впилась крепкими зубами в ладонь свою, заглушила вскрик бабий, и выдохнула счастливо.

– Силён ты, Некрасушка. Ох, и силён... – оправила рубаху, поневу и обернулась к Квиту. – Смолчу о том, и ты не болтай. Муж-то у меня дюже сердитый. Убьёт.

– Уговор, красавица, – натянул порты. – Чем отдариться тебе не знаю. Вот разве что...

Потянулся за деньгой.

– Дурной. Оставь, не надобно. Давно уж не любилась так жарко. Иди нето. Узнает Цветава, все волосья мне повыдергает.

Некрас выбрался из сарая, осторожно прошелся до ворот, выскользнул ужом на улицу и вздохнул. Сам себе противен стал, сам себя ненавидел и злился.

– Нельга, поганка, отомщу тебе, мало не покажется, – так и шел к своему дому, все ругался, ворчал, что старый дед и поминал зеленоглазую.

Утром проснулся поздно, сел на лавке и понял – беда. Трясло, словно в огневице.

– Дурень, – обозвал сам себя. – Добегался. Ганка! Отвару дай. Вроде простыл я.

Челядинка заметалась по бабьему куту, поставила в печь малый горшочек. А Некрас следил хмуро за ее хлопотами, и понимал – нет лихорадки. Лоб холодный, не ломит ничего, не болит. Жар, что случился с ним внутри и расползается там, будто мох по камню.

– Проклятая девка! – помянул Некрас Нельгу, что снилась всю ночь и заставляла его метаться на лавке, будто в болезни. – Ганка, сама отвар пей!

С теми словами встал, оделся, выскочил в сени и там зачерпнул ковшом воды из кадки, выпил жадно, укусил льдинку. Она жара не уняла, огня не затушила.

– Щур меня. Что за напасть такая?

Глава 7

– Так и сказал? – Цветава в дальней гриднице богатого своего дома допрашивала челядинку, которую послала вечер следить за женихом.

Та стояла перед хозяйкой, опустив голову, и говорила тихо.

– Так и сказал, мол, обряда еще не было. А потом не слыхала. Он ту Нельгу целовать кинулся, а она его укусила и отлуп дала. Потом-то я уткнула. А ну как увидел бы?

Цветава брови свела грозно и прикрикнула.

– Чтобы нема была, как рыба! Расскажешь кому – высеку. Поняла? – В ответ девушка кивнула, но не ушла – хозяйка еще не отпустила. – С кем водится Сокур?

– Со Званкой из Красных. Вдовица. Языкастая.

Цветава задумалась. Нельга родня, пусть и дальняя. Рвать волосы сопернице не с руки, да и ронять себя при народе невместно. Разве что принизить при всех? Так Званка подруга, пожалуй, и отругиваться примется.

– Звана та, у которой муж свалился в Молог с Дурной тропы?

– Та самая, Цветава Рознеговна. Муж ейный упал в реку по осени почитай три зимы тому. И что ж все через ту тропу бродят? Смотреть страшно.

– Примолкни и иди отсель.

Челядинку, словно ветром сдуло, а Цветава косу переплела, принарядилась и отправилась искать жениха своего. Была бы умнее, не стала бы торопиться, а подсказать некому. Мать ее, Снежана, такого же корня – неумного и яростного. Редко когда язык за зубами держать могла. Дочка хоть и тише была, а все же характера не скрывала – род богатый, известный, так кого бояться?

Некраса нашла в лоточных рядах, тот торговался за веревье и лён. Цветава оправила нарядное очелье, перекинула богатую косу на пышную грудь, подошла тихо и плавно.

– Некрасушка, здрав будь, – голос ласковый, взгляд теплый, улыбка сладкая.

– Вот так подарок. Здрава будь, красавица, – Некрас мазнул взглядом по невесте, но улыбки не подарил, оттого Цветава и свою спрятала, посуровела лицом.

– Ты где же пропадал вечер, а, Некрас? – спросила строго, и тут же испугалась перемены, что случилась с Квитом.

Брови его сошлись у переносья, жесткая складка легла у губ, сам он будто распрямился и стал больше.

– Дома был, Цветава. Спал, – грозным голос будто предупредил – расспросов не желает, только, кто же помешает ревнивой девице?

– Врешь ведь. Еще обряда не справили, а уже обманываешь. Не ты ли говорил, что я одна у тебя буду? Что иных жен брать не станешь?! – Цветавин голос оборвался на негромком пока взвизге.

– Твоя правда – обряда еще не справили, а ты уж пилить меня вздумала? Гляди, Цветава, я вено дал, я его и заберу. В моем доме я хозяин. Хочешь женой мне быть справной, учись языком не молоть. – Тихий голос его напугал Цветаву до того, что она сделала шаг назад, попятилась от Некраса.

Парень стал иным, грозным, совсем не тем улыбчивым балагуром, которого знала Цветава.

– Так как же? Терпеть мужа-ходока? Знаю, поди, куда вечер-то тебя занесло. Что, не получил того, зачем ночным делом-то бегал? А и мало тебе!

– Посмеешь выслеживать меня – пожалеешь. Домой иди. – И вроде не сказал ничего, а Цветаву окатило испугом.

Смолчала, развернулась и пошла домой. На половине пути застал ее снег дождливый, липучий. Спрятал, укрыл девичьи слезы. Кто ж поймет – дождь на щеках или соль горькая?

Уже у хором своих увидала Тихомира Голоду: шел, тащил на плече палку со связками вяленой рыбы на торг. Цветава оглядела пригожего парня, слезы вперемешку со снеговым дождем смахнула белой рукой и заулыбалась. И чего, дурёха, раскрылетилась, расколыхалась? Некрас жених завидный, слов нет, но Нельга отлуп ему дала, а Тишка красавец, каких мало. Стало быть, любит Сокурова дочь Голоду, не Квита. А ей, Цветаве, достанется богатый муж и не придется пачкать руки белые работой, не нужно будет горбатиться с ранней зари до темени. Есть вкусно и спать сладко – вот и вся ее забота. Злато многие блага дарило, и Цветава понимая это, сдержала ревнивый нрав.

На порог дома ступила уже веселой. Девичье настроение, что погода весенняя – то дождь, то солнце.

Тихомир торга не любил: шумно, многолюдно и хлопотливо. Народ мечется, торгуется громко, сбивает с мысли плавных, злит гомоном. А торговать надо!

Род Голодавых испокон века занимался промыслом – рыбаки знатные. Сам Тихомир любил поутру, по теплой поре уйти на однодеревке на спокойную Свирку и рыбалить с рассветной мглы до высокого солнца. Тишь, гладь. Закинул сеть не спеша, дождался добычи и выбирай в лодку потихоньку. Пескари-то не говорили, и то Тихомиру было любо. Рыбы в реке немало, однако, не сравнить с тем, сколько ее водилось в полноводном Мологе. Туда на лодке соваться опасно, по нему лишь насады ходили, уж слишком сильным было течение. По зиме рыбалка какая? Только в дом, на стол, а жить чем-то надо. Вот и приходилось рыбку, пойманную по лету, вялить и солить. Какая-никакая деньга приставала к рукам и в морозы.

Сидел Тихомир, ждал покупателей. Манить не заманивал, не умел балагурить и товар свой расхваливать. А и молчком дождался. По рыхлому после дождя снегу, шел к нему Некрас Квит: зипун дорогой нараспашку, шапка редкого меха лихо заломлена.

– Здрав будь, – кивнул Квит. – Сколь хочешь за связку?

– По деньге за мелкашку, по две деньги за крупную. Сколь надо? – пришлось встать с чурбачка и заговорить с купцом молодым.

– Вялите насухо? Червя нет? – Словам Квита Тиша не удивился, купец на то и купец, чтобы товар брать с разбором.

– Гляди, – выложил связку рыбы на лоток. – Чистая. Сам ловил в Свирке по глубокой осени. Вялил отец. Коптил на березке.

– Добро. Все заберу скопом. За все даю по половине деньги за мелкую и одну с половиной за крупную. Идет?

Торговались долго, но Тишке пришлось уступить уж очень нахрапистый Квит. Одно слово – купчина. Сговорись, по рукам стукнули.

– В холстину сверни и передай человеку моему Местяте Боровому. Знаешь его? – Некрас полез за пояс деньгу считать.

– Как не знать.

Некрас рассчитался по уговору, но от лотка не ушел. Тихомиру поблазнилось, что купец насупился недобро, но сдержал гнев.

– Ежели еще есть все куплю. Вечером приходи-ка ко мне в дом побалакаем, цену рассудим. Посиделки у меня прощевальные. Парни придут. Обряд через месяц-другой.

– Приду, – вздохнул Тихомир.

Идти-то не хотелось, не любил шумных ватаг, но деньга сама собой в руки пришла, и отец похвалит, если товар продать вчистую.

– Добро. Так жду, Тихомир, – рукой махнул, ожёг недобрым взглядом и отошел, увязая в талом снегу.

Голода свернул рыбу в холстину, дождался нескладного Местяту и передал, как было уговорено. А уж после с легким сердцем направился вон с торжища.

Дорогой разглядывал чужие торги: Новиковский с выделанными кожами, Зыковский с пряниками. Прошел мимо лотка Нельги, за которым стоял мужик из вдачей – орал, товар нахваливал. Уже на выходе столкнулся и с самой Нельгой. Она улыбнулась светло, так, как только она и умела, рукой махнула и головой показала, мол, недосуг, вечером свидимся. Тихомир и сам кивнул, и только потом сообразил, что вечером не получится встречи – Квит ждет. Опечалился Голода, но дело есть дело. А Нельгу и завтра можно повидать, чай, не в Новом Граде она, а тут в Лугани, под боком.

Тихомиру по сердцу была тихая, нежная девушка, что подолгу молчала, не донимала разговорами о вено и никогда не поднимала голоса до противного девичьего визга.

Отец давно уже твердил Тихомиру – пора жену в дом вести, так Нельга была самой из всех подходящей. И с разумом, и с деньгой. Борти кормили исправно. Голода уж видел тихий домик вдали от городища и смирную Нельгу, что ждет его на крыльце после рыбалки. Все медлил, обдумывал, но уж знал, если брать жену, то только ее, Сокурову дочь. Одно злило – начал замечать, что Нельге вослед парни смотрели. Ну да не беда, станет мужатой, так кроме него никому и не нужна будет. Не красавица, чай, не придется махаться с другими за такую-то

мышку. Да и покорна будет, до подарков не охоча.

Глава 8

Нельга шла по торжищу, улыбалась. Рада была, что поутру Тишу встретила – то к удаче. Уже не раз такое бывало – улыбнется любый с самого утра и целый день все ладится и спорится.

Проскочила мимо пахучих кож Новиковских, миновала лоток с белёным льном, а вот уже и ее хозяйство.

– Вторуша, как торг нынче? – кивнула вдачу, что работал на нее с зимы.

– Все путём Нельга. Был утресь купец Квит, торговал бочонки с медовухой. О цене сговорились, токмо он хотел с хозяйкой балакать, – проворный мужик успевал и хозяйке отчет давать, и деньгу принимать от покупателя.

Нельга брови свела, однако сердиться не сердилась. Радовалась, что Некрас донимал по парнячьей слабости, а не оттого, что узнал ее. Была ведь мыслишка неприятная, что понял он, догадался кто такая безродная Сокур.

– Что говорил? Вернется ли? – пыталась вдача Нельга.

– Сказал, опосля будет.

На том Нельга и унялась. Задумала торговать у Квита оберег матушкин, а если уж он посулился быть за товаром, то можно цену сбить: и мед продать, и огневицу назад получить безо всяких поцелуев.

Торжище гомонило на все лады! Народ толпой валил к шумным продавцам, что кричали шутейно и заманчиво. Сновали мужики и бабы с лотками, полными пряников, бус, посуды. Нельга любила это оживленное копошение, слушала не без радости веселые прибаутки и вспоминала отца.

Тот частенько брал маленькую дочку с собой на торг в Заречень, все показывал, мол, тут рыбка, а тут капуста сквасилась в кадушке, а там шапки разные.

Нельга, как зачарованная ходила меж рядов, глядела восхищенно на лодки и насады, что причаливали к мосткам и мечтала хоть разочек единый проплыть по реке от края и до края. Повидать людей разных и жизни их подивиться.

Сама не заметила, как улыбнулась памяти своей, а вот кое-то приметил и сказал ей об этом:

– О чем задумалась, красавица? Такой-то улыбкой снега растопить можно, – голос медовый, глубокий.

– Здрав будь, Некрас, – Нельга очнулась, посмотрела на Квита, но улыбку с лица убрала – еще чего, улыбаться охальнику!

– Так не рада мне? – Некрас подбоченился, руку положил на пояс богатый, что виднелся под распахнутым дорогим зипуном.

– Чему радоваться? – Нельга приметила на Квитовской подпояске обереги: колесо Пеурново, Веселов знак и свою огневицу. – Ты, смотрю, решил бабий оберег на себя навесить? Засмеют люди-то.

– Да пусть смеются, лишь бы слезы не лили. Я к тому без интереса. А ты, смотрю, все по огневице своей скучаешь? Так уговор-то в силе, Нельга. Глянь, меня и искать не надо, сам пришел. Откупись и оберег твой, – Некрас улыбался, красовался, а вот взгляд его Нельге не понравился вовсе: на дне темных горячих глаз пламенело что-то опасное и тревожное.

– Мало тебе вечер показалось? – девушка глянула не без ехидства на чуть припухшую губу Некраса, которую она вчера укусила. – Еще раз захотел?

– Я уж сказал тебе, чего хочу, – Квит сердиться не стал, только улыбнулся шире и коснулся пальцами губы. – Так об чем думала, когда улыбалась сладко, Нельга? Жуть как интересно.

Некрас подался к Нельге, встал близко.

– О чем думаю – не твоя печаль, – глаз не отвела. – Ты вот, знаю, купец неплохой, так давай договоримся? Хотел торговать медовуху мою? Я уступлю тебе деньгу-

другую, а ты мне оберег верни. Все ж выгода. А поцелуй, Некрас, у других проси. Вон хоть у невесты своей, Цветавы. Такая красавица рядом, а ты принялся на сторону глядеть.

Нельга ждала его бровей насупленных, злости, а он опять смолчал, мазнул только горячим взглядом по ней и снова заулыбался шире некуда.

– Ежели твои думки не моя печаль, то и мои хотелки не твоего ума дело. Сказал целуй, значит целуй. Это моя цена, – смотрел прямо, полыхал взглядом горячим. – Глаза у тебя... Был о прошлом годе у Нового Града, так там дерево есть, не помню, как его местные называют, а вот листья на нем аккурат той же зелени, что очи твои.

– У самого Нового Града? – против воли подалась ближе любопытничая. – А правду говорят, что там домины огромные?

– Правду, Нельга. Я два дня насаду свою не мог причалить к берегу – людей тьма! Кожевенные ряды за город вынесены – дух от них, хоть мертвых выноси. Кругом звон из кузней, а опричь лавок с хлебами аж пузо сводит от запаха. И медом веет, и иным чем-то. На торгу и бабы стоят – считают лихо, все в берёсты записывают?

Нельга заслушалась, глаза распахнула широко и не заметила, как оказалась близко к купцу молодому, чуть не касаясь его груди.

– А домины, Некрас? Домины-то?

– Высоченные! Коньками небо скребут. А волховской промеж них самый высокий. Идолищи едва не три роста человеческих. Резьба по ним тонкая рунная, – манил голосом сладким, сверкал темными очами.

– Так прямо и в три? А девицы? Есть девицы на торгу. Вот такие, как я? – забылась Нельга, разум обронила от любопытства, позволила заманить за торговый лоток, все незаметными мелкими шажками шла за сладкоречивым Квитом.

– Таких, как ты нигде нет, Нельга. Глаз, как у тебя еще не встречал. И дух от тебя дурманный, сладкий. Травами или цветами, не пойму, – руку поднял, заправил прядь светлую за ушко.

С того Нельга очнулась и напустилась на безобразника:

– Ох, и хитёр ты! Руки-то не распускай, Некрас, – шагнула от парня. – Ничего не выйдет у тебя. Поцелуев не жди. Торгуй медовуху, бери деньгу за оберег и ступай на все четыре стороны.

– Вон ты какая...Надо же, – Некрас будто и не слышал суровой ее речи. – Все тебе интересно – домины, люди да города дальние. Что ж тут осела, а? Лугань-то городище нарядный, кто бы спорил, но ведь маловат. Тебе бы в Новый Град, красавица. Хочешь, свезу? Лёд сойдет с Молога и возьму тебя на насаду свою.

– А платить чем придется, а? Некрас, уж со вчера тебе говорю – отступись. Не тебя я люблю и поцелуи свои и ласки, отдавать не стану нелюбому. Так что? Продашь мне мой оберег?

Сказать сказала, да и застыла. Некрасовы глаза совсем темными сделались, сверкнули опасно.

– Тихомира своего снулого голубишь? Ну что ж, люби его. Оберег при мне останется – цену знаешь. А упрешься, я найду чем гордость твою сломить. Медовуху свези в домик у поворота к Свирке. Деньгу человеку твоему передам. А за оберегом сама притечешь, никуда не денешься.

Ей бы впору испугаться, но не смогла, обозлилась.

– Много берешь на себя, купец. Я вольная, ни перед кем головы не клоню. Глазами на меня не сверкай и на тебя сила сыщется. Поди вон и никогда более на моем пути не встречайся, – руки на груди сложила, голову высоко подняла.

– С норовом, – Некрас рот скривил, но в глазах мелькнуло восхищение, не схоронилось. – Ну, слово твое я услышал. Теперь за мной дело. Не взыщи, ежели несладко придется. И глазами-то меня не поедай. Еще не хватало грозящей девки бояться. Здрава будь, медовая. Встретимся еще.

Нельга долго еще смотрела на то, как Квит гордо вышагивал по торжищу. Когда он повернул за угол, выдохнула облегченно, но и поняла – не спустит. Такой способен на многое, а что хуже – на страшное.

– С кем балакала, Нелюшка? – Звана подошла, улынулась ясно. – Никак, Квит? Торговалась?

– Званочка, посоветуй, как быть? Совсем я потерялась, – Нельга обняла подругу, а та встревожилась.

– Щур меня! Что сотворилось-то?

Нельга и рассказала Званке о Некрасе, об обереге. Та подумала малое время, да и захохотала.

– Ох, мамочки. И всего-то? Прижал к забору постылый? Нельга, ты как дитё. Взяла бы, да целовнула парня. Ты глаза-то разуй. Такой кусок лакомый подвалил. Непростой он, ох, непростой. Глаза такие...такие...я бы за ним в Молог сиганула. Ручищи-то, плечищи-то, ух! Жаль, Цветаве не повезло стать женой такого ходока. С таким-то приятно ночку-другую провести, а жить с ним, не приведи Лада. Токмо знай, такие дюже горячие, обиды не спускают. Подойди с лаской, повинись, мол, не то сказала и целуй. Оберег отдаст, еще и одарит чем.

– Звана, я Тихомира люблю. Мне иного не надо и поцелуи другому дарить противно. Квит купец ушлый. Нынче поцелуй, а завтра что? На лавку толкнёт? – Нельга брови свела печально.

Подруга тоже задумалась, а потом расхохоталась пуще прежнего.

– А ты скажи ему, что откупится за тебя подруга. Что глазами хлопаешь? Мне за радость! Так и говори, мол, Звана придет, красавица, каких мало, – и снова смеется.

– Бесстыдница, – Нельга прыснула. – Как так-то? Ты ж его не знаешь совсем.

– Дурка. Жизнь короткая и что там после яви неведомо. Чай, никто не вертался с иного свету. Тут надо жить, любиться, радоваться. Детей зачинать. Кто знает,

сколь нам дадено? Вон муж мой молодой был, здоровый, а в один миг ушёл. Оступился на Дурной-то тропе и сгинул в Мологе, – Званкины серые глаза затуманились печалью, подернулись горем давним.

– Званочка, ну что ты... – Нельга бросилась подругу обнять, а та грусть стряхнула и вновь засияла.

– Идем нето. Я за льном. Вон, глянь, рубаха опять тесна стала, – Званка распахнула зипун. – И куда растет? А и на радость! Парни такого не пропускают. Чего встала? Идем, говорю.

Звана пошла меж торговых рядов, а Нельга поулыбалась и отправилась догонять подругу. На торгу повеселились: льна купили белого, угостились пряниками. Нельга и думать забыла о Некрасе.

Днем работа одолела: травы тереть, по холщовым мешочкам прятать, за челядью следить, мешать старый мед. Богша работал исправно, ему Нельга верила, как самой себе, но к травам не допускала – помнила завет отца и секретами Лутаковскими не делилась.

Ночью уже, так и не дождавшись Тихомира, улеглась на лавку, накинула душистую теплую шкуру и провалилась в сон.

– Смотри, медовая, вон там, видишь? Новый Град. И домина волховская, –Квит обнимал за плечи, указывал рукой на огромное городище.

Нельга глаз не могла отвести от красных крыш, больших домин. Народ кругом толпами и весь нарядный, будто праздник великий. Девушки с золотыми очельями, парни в вышитых тонких рубахах. А торг-то, торг! Сколько глазу видно – ряды, ряды, ряды...

– А Молог вон там, – Некрасов глубокий голос пробирался под кожу, звенел в голове тревожно и волнительно.

Она оглянулась на реку и увидела чудное, страшное. Воды темные кровавой пеленой шли. Муть, мощь и волны.

– Некрас, а река-то...Глянь!

А тот промолчал, прижался горячим жадным ртом к ее губам, задушил жарким поцелуем. Нельга затрепыхалась, забилась в его руках.

– Пусти! Пусти, постылый!

– Никогда не отпущу. Моя будешь! – пламенем окатил его взгляд темный.

Нельга подскочила на лавке, затряслась листом осиновым, уже понимая – сон недобрый. Так и вышло.

– Нельга! Нельга! – Новицу внесло в чистую гридницу, залитую ярким утренним солнышком. – Тишку твоего поколотили. Вечер, опосля посиделок парнячьих.

Вскочила Нельга, с лавки, шкуру откинула. Заметалась по гриднице: косу чесать-плести. Умылась наскоро и побежала к дому Тихомира.

Увидела любого сразу: сидел на скамье, тяжело привалясь спиной к стене дома. Глаза заплыли, синева по лицу, а сам рукой за грудь держится.

– Тиша, – промолвила и в слезы. – Что с тобой? Как вышло?

Подошла осторожно – не хотела домашних его тревожить.

– Нельга, – парень поднял к ней разукрашенное лицо, попытался улыбку подарить. – Живой и то славно.

– Кто же тебя так? – присела рядом, рукой легонько по груди провела.

– Квит. Вечер на посиделки прощальные заманил, рыбу сторговал, а потом как все бражки выпили, так и совсем чудной сделался. Дурной. Все подначивал, мол, молчун я и тихоня. Пришлось ответить. Слово за слово, а там уж и все парни меж собой погрызлись. Вывалились во двор, махаться стали кто с кем. А Квит на меня налетел и ... Нельга, правду говорят, купцы ярые. Махался так, будто насмерть хлестался. Меня Сурупин до дома доволдохал.

Нельга выслушала, заледенела. Вмиг припомнила грозные слова богатого купца на торгу вчерашнем. Ведь знал, лиходей, как укусить больно. Тишу, Тишеньку задел-зацепил. И все из-за нее...

- Тиша, ты может, хочешь чего? Так я метнусь. Только слово молви, - слезы лила тихие, без всхлипов, вину свою смывала.

- Не надь. Ты посиди со мной тихонько. Опречь тебя легче становится, - голосом приласкал.

- Посижу, посижу, любый, - голову на плечо ему склонила осторожно, боясь потревожить ушибленную грудь, а сама уж мыслями далеко была.

Про себя решила разговор держать с Некрасом: все высказать, пригрозить. Правда, знала откуда-то, что не внемлет, не понимает он ее. Горяч и своенравен. Но мыслью была крепка, ведь не за себя, за Тишу горой решила встать.

Глава 9

- Вставай, Местята. Разлегся, не пройдешь, - Некрас держался за голову, что гудела после вчерашних посиделок. - Отец в пути. Того и гляди приедет, а у нас тут дух бражный. Айда умываться.

- Иди к лешему. Харя твоя наглая, - вяло отругивался Местька. - Сколь бражки-то в тебя лезет, а все как с гуся вода. Ты чего вчера учудил? Всех подначил. А все одно, хорошо посидели. Давно так-то не бились.

- Чего надо, того и учудил, - рыкнул Некрас. - А ты ничего, справно махаешься. Не зря в дружине был, хучь и недолго.

- Ты и сам не промах, Квит. Думал ты Голоду вчера на тот свет отправишь. А ничего, обошлось. Меру знаешь, и башки-то не теряешь. Рассолу бы капустного, а, Некрас?

- Ганка! Ганка, лешачья дочь! - Квит крикнул челядинку и поморщился. - На стол мечи. И рассолу давай!

Пока она посудой гремела, на стол снеди накидывала, парни умылись, переоделись в чистое. Первый кусок полез скверно, но рассол сделал дело свое, подлечил больные головы и жизнь пошла веселее.

Через малое время услышали оба конский храп и хруст снега под полозьями саней.

– Батя, – Некрас поднялся, оправился и пошел встречать отца.

Тот уж вошел в сени: шуба богатая, шапка большая.

– О, как, – хохотнул. – Морда мятая, а стало быть, махнул вчера лишку. Так, Некрас?

Ругать сына не стал, знал верно, что все по обычаю. Прощальные посиделки перед грядущим обрядом – дело важное. Обнял Некраса, крепкой отеческой ладонью стукнул по спине.

– Здрав будь, – Некрас ответил тепло на отцовскую ласку. – Поешь с дороги. Людей с тобой сколь?

– Поем, благодарствуй. Трое. Скажи челядинке, пусть сведет в избу с товаром. Много ль взял?

Пока шубу Деян скидывал, пока ручкался с Местяткой, Некрас рассказал о делах, о товаре и о мене.

– Добро, сын. Вижу, время даром не терял. Справно поторговался, – Деян уселся за стол, в окно взгляд бросил и заулыбался. – Экая бабёнка. Тутошняя? Глянь, кругла, а стан тонкий. Румянец. Кто такая?

Местята глянул в оконце и признал Званку Красных. Тут же насупился, лицом потемнел.

– Бать, а это знакомица Местькина. Который день пытаю его, за что молодуха обозвала его Соловушкой. Молчит! Как сыч надувается и молчит. Может, тебе не

откажет, а?

– Рассказывай, чай, все свои, – подначил Деян, отхлебывая горячий взвар.

Местята, отпив теплого, опьянел наново, и рассказал:

– Не иначе Лада меня наказала, когда толкнула к этой окаянной вдовице. Ить ладная, гладкая, а языкастая, будто помело у ней во рту. Тьфу, зараза! Я к ней о прошлой осени подвалил, дай думаю, попытаю парнячьего счастья. Все, как у людей – купил пряник, бусы светленькие и пошел. Она, вроде, обрадовалась. Суть да дело – ведет меня в сарайку. И главное плавно так качается. Я аж пыхнул! Грудь большая, понева на заду натянута, хоть вой от хотелки. Сарайка та новая дух в ней древесный густой. Званка целовнула жарко, рубаху рассупонила я и обомлел. Завалил ее на лавку, порты стянул и

– Что? Не тяни теля за то самое! – Деян двинулся к Местяте, боясь пропустить хотя бы слово.

– Удом по не струганной доске прошелся. Думал, сдохну, до того больно! Заорал, да от жути голос сломился и такую трель выдал, будто я и не я, а птах весенний.

Деян и Некрас грохнули так, что челядинка Ганка подпрыгнула.

– Будя ржать! – Местята разозлился, кулаком по столу грохнул. – Вам бы так! Я потом уд свой в кадушке с ледяной водой мочил. Думал все, конец моей мужицкой силе.

– А она? Она-то что? – Некрас провздыхался с трудом.

– А что она? Лежит на лавке и гогочет. Я за дверь, а она мне в спину, мол, знать не знала, что мужики соловушками кричат.

Оба Квита снова зашлись хохотом, а Местята понурился, загрустил.

– Ну, чего, чего ты гриву-то опустил? Бывает. Чай, с удом, не мерин холощенный, – Деян утер слезы, что выступили на глазах от смеха.

– Чего, чего... Того! Невезучий я, проклятый. Будто сглазил кто. За что берусь, все валится из рук. Чего ни жду, задом ко мне оборачивается, – Местята обхватил голову кудрявую свою руками.

– Не бойсь, Местька, утрясется, – Некрас друга по плечу стукнул. – А иди нето к волхве? Всеведа разумна, говорят. Мудрая. Может, подскажет чего, а?

– Щур меня! Всеведа на меня страх наводит. Видал, какие глаза у ней? Рысьи! Как глянет, так я столбом встаю. Не, не пойду.

– Вот беду нашел. Хочешь, с тобой метнусь? Вдвоем веселее, – Некрас ткнул друга кулаком в плечо. – Вставай и идем. Чего тянуть?

– И то верно, катитесь отсель. Дюже шумные, – Деян зевнул. – Я хучь посплю малёхо. Ночь обозом шли тряско. Снег подтаял.

Некрас потянул Местяту из-за стола, накинул на него зипунишко худой, и вывел за дверь в солнечную весну – Ярилину радость.

У подворья волхвы Боровой затоптался нерешительно, с того Некрас подтолкнул его крепкой рукой и сам ступил безо всякого опасения в богатый волховской дом.

– Вот так гости, – волхва сидела на лавке, покрытой дорогой шкурой, за большим столом. – Ну, коли пришли, так и садитесь. В ногах правды нет.

На Местяту кинула взгляд быстрый, а на Некрасе задержалась. Оглядела с головы до ног и улыбнулась странно.

Парни сели прямо, ждали слова волховского: неурядно вперед видящей говорить.

– Ты чего ж, кудрявый, на себя оберегов нацеплял? Шею-то не ломит от такой тяжести? – верно заметила!

На Боровом чего только не было: и Перунов, и Велесов, и Сварогов знак. А там еще и женские затесались, чуть поменьше.

- Так эта....От сглаза и невезучести, - промямлил Местята.

- Дурень. С того все твои беды. Боги-то промеж себя не поймут, когда помогать и вперед кого. Отсель и путают жизнь твою, стезю кривой делают. Снимай!

И так голосом надавила, так глянула, что бедный парень вмиг скинул с себя брэнчавшие обереги и на стол положил перед волхвой.

- Возьми их и спрячь. А я тебе, невезучий, дам один оберег. Носи его. Потеряешь - радуйся. При себе оставишь - тоже хорошо, - потянулась белой рукой к коробку малому, что стоял на краю стола, и достала оттуда деревянный кружок в металлическом круге. - Накось. Нить суровую найди и носи.

- Благодарствуй, Всеведа, - Местята цапнул оберег, встал и поклонился. - Чем дарить тебя?

Волхва поднялась с лавки, обошла стол и стукнула Борового кулаком по лбу. Тот слегка опешил, но смолчал.

- Иди и дыши легко. Как что надумаешь, дышалку сдержи и отсчитай десять стукнов сердца, а потом уж и делай. Уяснил, кудрявый?

- Ага.

- Ага, коровья нога. Кыш отсель! - Местятка и сбежал.

За ним потянулся Некрас, но Всеведа задержала, уцепила на рукав богатого зипуна.

- Стой, Квит, не торопись, - сказала весомо, словно разговор хотела вести серьезный. - Давай уж, говори, зачем пришел?

Некрас едва не вздрогнул, но сдержался, только губы сжал крепче. С Местятой потащился вовсе не просто так, а с умыслом. Только откуда об этом волхва узнала? Вот волшба, так волшба...

– Что смотришь? Думала не пойму? – Всеведа улыбнулась и Некрас с удивлением заметил, что не старая она еще, симпатичная. – Ох, ты и ходок. На волхву такие взгляды кидать. Уморил.

Засмеялась, вмиг помолодев на десяток лет.

– А и чего не посмотреть, когда есть на что? – хотел улыбнуться Квит, но сдержался. Опасное дело волхвы. Слишком много силы и власти у них.

– Бедовый ты, купец, отчаянный. Зачем пришел, Некрас? – улыбку с лица смела, будто ее и не было.

– Всеведа, как ты поняла-то? Ведь молчал я.

– Ко мне люди ходят уже с десяток лет. По лицам вижу, по глазам читаю. Ты с другом пришел, так? А тогда чего же не на него смотрел, а на меня пялился? Видно дело ко мне. Угадала?

– Угадала, волхва, – Некрас вздохнул глубоко и спросил, словно в воду ухнул. – Приворот на мне? Ответь, мудрая?

– Не приворот, а огневица, – с теми словами указала длинным перстом на Нельгин оберег, что висел на поясе Квита. – Не тот ты парень, чтобы женские обереги носить. Да и сама огневица приметная. В Лугани нет таких мастеров, чтобы тонкую работу по серебру делать. Оберег этот Нельги Сокур. По доброй воле она бы с ним не рассталась. А стало быть, украл ты его. А зачем? Ты, чай, не без деньги, так к чему тебе этот кружок серебряный?

Некрас от изумления шапку на макушку сдвинул.

– Вот правду говорят – волхвы все видят. Так приворот? Или иное что?

– Иное, парень, – голос ее смягчился, по губам улыбка скользнула совсем женская, теплая. – Это расплата тебе за все девичьи слезы, что по тебе пролиты.

– Мудрёно говоришь, Всеведа.

– Так мудрёно? Что, Некрас, думаешь, заболел ты? – в тот момент пламя в очаге вспыхнуло, осветило страшно лицо волхвы, сверкнули опасно на лице ее рысьи глаза. – Сначала думал о ней, потом запотряхивало, как в огневице, а теперь злость взяла? Так? Дальше горше, Некрас.

Квит все ж вздрогнул – от слов ее верных, от глаз рысьих, от пламени, а более всего с того, что в большой гриднице вроде как свет померк, темно сделалось среди белого дня.

– И что ж это? – голоса своего не узнал.

– Любовь. Лада Пресветлая тебе благодать послала. Через эту напасть огневую себя найдешь, уразумеешь, что ты за человек и какого корня. Везунчик ты, Некрас. Любят тебя светлые боги, – пламя в очаге унялось, солнце вновь засияло ярко, играя привольно на стенах и лавках богатой гридницы. – Иди нето. Местята твой весь порог мне истоптал. Боится за друга-то, душой болеет.

Некрас как в полусне двинулся на выход, но остановился, вернулся к Всеведе и посмотрел внимательно. Женщина в летах, стройная, прямая. Волосы с проседью густой. Глаза с рыжим ободком, вокруг ресницы пушистые. Квит голову набок склонил, задумался, да и поправил на плечах волхвы теплый плат, вроде как укутал.

– Вон ты какой... – взгляд Всеведы потеплел. – Ходок, да непростой. Уважил старуху, заботой удоволил. Иди уж, бедовый.

Толкнула легонько в грудь, Некрас и пошел, а она ему в спину:

– Цветавы опасайся. Ярая у тебя невеста, Некрас. Как бы беды не вышло. Понял?

Некрас только кивнул и бросился вон из чудного дома. На подворье уже выдохнул, шапку с головы стянул и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/shubnikova_larisa/ognevica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)